

Диакон Андрей Кураев

ИСКУШЕНИЕ,
КОТОРОЕ
ПРИХОДИТ
«СПРАВА»

Новая книга диакона Андрея Кураева, профессора Московской Духовной Академии, говорит о внутрицерковных проблемах. На заре XXI века возродилась технология "экспорта революции". Революции в Сербии, Грузии, Украине... Эта книга о том, как возвращают митинговую атмосферу внутри Русской Православной Церкви. О том, как отличить традиционную церковную проповедь от модернистской подделки.

Опричная реформация

О монархическом начале в Церкви. «Соборность» и ошибка славянофилов. Верно ли, что «народ — хранитель Православия»? Кто сказал, что «молчанием предается Бог»? Как народные братства унии помогли. О бесцензурном Православии. О не-святости Ивана Грозного. О не-святости Григория Распутина. Как раскалывают Русскую Церковь. Спецпроект по имени «Старец Антоний»

Много лет я читаю лекции по технике религиозной безопасности. Конечно, на этих лекциях речь шла и о сектах. Сейчас же в моем курсе придется писать новую главу. Оказывается, мало прийти в Православную Церковь. Затем вырастает не менее трудная задача — как выжить в Православной Церкви.

С одной стороны, как не утратить человечность, не превратиться в какую-то неулыбчивую мумию. С другой — как остаться в Церкви, не попав в псевдоправославную секту.

Сектантство — это не только те или иные кружки, которые собираются по домам культуры и кинотеатрам. От психологии сектантства не защищен и православный мирянин, и православный монах, и православный священник.

Самое тревожное мое наблюдение последних лет состоит в том, что сейчас, в начале XXI века, наша Православная Церковь оказалась на пороге не то что раскола, а гораздо более серьезной вещи. Я считаю, что на наших глазах начинается русская реформация.

В Европе Реформация произошла пять веков назад. У нас она припозднилась: ждала, пока не ослабнет государство. Пока была государственная власть с ясной и жесткой религиозной политикой (сначала православной, потом — атеистической), мирянский активизм осаживался. Теперь этот «удерживающий» отошел. И мы увидели лицо «русского бунта». Лицо Григория Распутина и Пелагии Рязанской.

Издания типа «Русский вестник», «Русь православная», «Жизнь вечная» и просто «Жизнь» — вот буревестники русской реформации. Опричной реформации.

Не надо обманываться видимостью. Реформация — это не борьба с иконами, это не утверждение тех или иных лютеранских догматов.

Реформация — это всего-навсего антииерархическое движение мирян. Это бунт мирян против церковной иерархии, это мирянское движение, разворачивающееся под лозунгом: «Иерархия, дай порулить!»

Люди сами себя объявляют цензорами, защитниками и очистителями христианской веры и традиции, и такое самосознание дает им в их собственных глазах право на весьма радикальные суждения и действия. Дух реформации — это именно дух, это некая психология, самоощущение.

Реформаторы XVI века не считали себя модернистами. Лютер был убежден, что восстанавливает учение Церкви эпохи апостолов и Вселенских Соборов. Так и нынешние русские реформаторы убеждены в своей собственной традиционности и ортодоксальности. Но на деле за каждым их шагом стоит глубочайшее недоверие к движению церковной истории и к церковной власти. Более того, кажется, и «опричный царь» им нужен лишь для того, чтобы найти управу на непослушного им патриарха.

Сегодня трудно не заметить, что те люди, которые громче всех заявляют о себе как о «православных монархистах», ведут себя странно как по меркам православным, так и по меркам монархическим. Весьма громкая часть людей, декларирующих свое мировоззрение как «православно-монархическое», группируется вокруг таких изданий, от которых за версту несет банальной диссидентщиной (вроде «Руси православной»). Я не буду здесь излагать принципы иерархического устройства церковной жизни. Я не собираюсь вступать в спор с монархическими убеждениями наших реформаторов. Я просто прошу их подумать: а их собственное поведение хоть как-то совместимо с этими убеждениями?

По верному слову Толкиена: «Те, кто защищают право от бунтовщика, не должны бунтовать»¹.

Монархия есть отсечение своей воли, вверение ее Промыслу Божию, который держит «сердце царево в руке Божией» (Притч. 21,1). В монархию нельзя входить с демократически-изобличительными рефлексам. Надо заставить свои пальцы разжаться из фиги, в которую они срослись за годы со-власти и демократии, в распахнутую раскрытость, готовую принять все, что будет сказано с престола, как Промысл Божий.

¹Толкиен Дж. Р. Р. Сильмариллион. М., 1992. С. 56.

Вот как святитель Филарет Московский еще в позапрошлом веке укрощал диссидентские похоти подданных Империи: «Заповедь Господня не говорит: не восставайте противу подлежащих властей. Заповедь говорит: не прикасайтесь даже так, как прикасаются к чему-либо легкомысленно, по неосторожности. Когда подвластные видят дело власти, несогласное с их образом понятия, как стремительно исторгаются из уст их слова осуждения! Как часто не обученная послушанию мысль подчиненного нечистым прикосновением касается самых намерений власти и налагает на них собственную нечистоту! Клеврет мой, кто дал тебе власть над твоими владыками?»¹ «Дух порицания бурно дышит в области русской письменности. Он не щадит ни лиц, ни званий, ни учреждений, ни властей, ни законов. Для чего это? Говорят: для исправления... А что в самом деле должно произойти, если всё будет обременено и все будут обременены порицаниями? Естественно, уменьшение ко всему и ко всем уважения, доверия, надежды. Итак, созидает ли дух порицания, или разрушает?»² «Должно, говорят мудрецы века сего, повиноваться общественным властям на основании общественного договора, которым люди соединились в общество и для общего блага общим согласием учредили начальство и подчиненность... Никто не может спорить против того, что начальный вид общества есть общество семейное. Итак, младенец повинуется матери, а мать имеет власть над младенцем потому ли, что они договорились между собой, чтоб она кормила его грудью, а он как можно меньше кричал, когда его пеленают? Что, если бы мать предложила младенцу слишком тяжкие условия? Не прикажут ли ему изобретатели общественного договора идти к чужой матери и договариваться с нею о его воспитании?»³

Правила жизни в монархическом обществе предполагают, что надо всегда соблюдать заповедь: «начальствующего в народе твоём не злословь» (Деян. 23, 5). А это значит, что порой необходимо отказывать себе в удовольствии критиковать царя даже тогда, когда он очевидно неправ. Напомню, что когда прп. Максима Исповедника обвиняли в том, что он верит не так, как верит император, то Максим оказался в весьма непростой ситуации. Патриций Троил спросил преподобного: «Но разве ты не анафематствовал типоса?» (императорского указа, содержащего ересь. — А. К.). Старец отвечал: «Анафематствовал». — «Но если ты, — сказал Троил, — анафемат-

¹ Государственное учение Филарета, митрополита Московского. СПб.: Общество ревнителей прославления Святых Царственных Мучеников, 1993. С. 8.

² Там же. С. 24.

³ Государственное учение Филарета, митрополита Московского. СПб.: Общество ревнителей прославления Святых Царственных Мучеников, 1993. С. 5-6.

ствовавал типос, то, следовательно, и царя?» — «Царя я не анафематствовал, а только хартию, ниспровергающую православную и церковную веру»¹. В итоге прп. Максим был все же осужден как политический преступник, как хулиатель «царского величия». И потому даже VI Вселенский Собор, приняв учение Максима, оправдав его учителей и осудив его противников, тем не менее не рискнул оправдать самого Максима лично. Его имя даже не упоминалось на этом Соборе...

Готовы ли сегодняшние монархисты к такой осторожности, к такой аскезе? Готовы ли они не указывать перстами на промахи и не кричать об ошибках (действительных или мнимых) «начальствующего в народе» — хотя бы только в народе церковном?

Сегодня в России нет монархии. Но это не означает, что в ней нет иерархии. Отсутствие самодержавия в России не означает, что с православного человека снята обязанность научения послушанию. Просто школа послушания теперь находится в самой Церкви. И тот, кто не смог «монархически» жить в Церкви, не сможет жить по-монархически» и в самодержавнейшем государстве. Тот, кто дерзит Патриарху, будет дерзить и монарху. Если наши монархисты не могут наложить на себя обет воздержания от критики Патриарха, — как же они смогут воздержаться от критики монарха?

Люди, имеющие потребность и воспитавшие в себе навык постоянного выискивания поводов для оппонирования властям (как светским, так и церковным), — неужели же они смогут приучить себя к воздержанию от критики после введения в России монархического правления?

Да их пикеты окажутся на Сенатской площади не позднее 25 декабря того года, когда в России вдруг будет восстановлена монархия! Почему именно в этот день? — Да потому, что в этот день СМИ объявят, что накануне государь Всероссийский послал рождественское поздравление своей царственной родственнице королеве Английской и другим царствующим домам Европы. А в телеграммах пожелал Божией помощи и прочее. Ну как тут не обвинить православного царя в ереси экуменизма! Вместо того чтобы обличить английскую королеву в новостильно-протестантской ереси, шлет ей братское приветствие! Сердца наших «опричников» не вынесут такого.

Свт. Филарет говорил, что дурной гражданин земного отечества не благонадежен и для Отечества Небесного. По этой же логике можно ска-

¹ Жития святых, изложенные по руководству Четых-Миней свт. Димитрия Ростовского. М., 1904. Кн. 5, ч. 2, январь. С. 233.

зять, что тот, кто был дурным гражданином церковного сообщества, не станет добрым подданным и сообщества граждански-монархического. В патриаршей Церкви сегодня явлен опыт монархического устройства общества. Ту малую толику послушания, которую церковная иерархия возлагает на верующих, — многие наши «монархисты» не могут вынести. Неужели же они смогут безропотно жить в монархическом государстве?

Вот изложение Патриархом очевидной нормы жизни в Церкви: «Решения Соборов, священного Синода, выступления Предстоятеля Церкви по церковным вопросам — это официальная позиция Церкви, которая должна быть ориентиром для клириков, состоящих в ее юрисдикции. Лица, имеющие иные мнения, по меньшей мере обязаны воздерживаться от публичного оглашения их»¹.

Но сколько же сегодня православных «фундаменталистов», которые о высшей церковной власти упоминают лишь в язвительной критике («этот Ридигер»)! Наши «традиционалисты» не замечают, что никак не в традиции Церкви перетолковывать слова и действия Патриарха в наихудшем свете. Вспомним язвительное замечание святителя Филарета об «общественном договоре» между матерью и младенцем. Разве станет оно менее справедливым, если вместо матери мы в нем помянем отца? Патриарх же — «первенствующий из отцов». Тем более странной эта ситуация выглядит ввиду того обстоятельства, что многие из тех, кто сегодня нападает на Патриарха за его якобы недостаточное православие, были духовно еще не рождены и даже не зачаты в тот год, когда Собор избрал митрополита Алексия на Патриарший Престол. Они тогда еще были атеистами. Но сегодня они готовы диктовать и Патриарху, и духовным академиям — что считать Православием, а что ересью.

Более того — иерархический инстинкт у многих нынешних неопитов монархизма атрофирован настолько, что они сами готовы экзаменовать церковных пастырей! Давно уже прозвучал призыв свт. Григория Богослова: «Овцы, не пасите пастырей!»² Давно уже святитель Василий Великий возмущался ситуацией, при которой «человек, недавно принявший на себя труд проникнуть в жизнь христианскую, а потом возмечтавший, что принесет ему некоторую честь столкновение со мною, слагает, чего не слышал и рассказывает, чего не понял»³.

¹Обращение Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия к клиру и приходским советам храмов г. Москвы на Епархиальном собрании 16 декабря 1997 г. М., 1998. С. 15.

²Свт. Григорий Богослов. Слово 19 // Творения. Троице-Сергиева Лавра, 1994. Т. 1. С. 293.

³Свт. Василий Великий. Письмо 71 // Творения. СПб., 1911. Т. 3, 97.

...В дни работы Архиерейского собора в октябре 2004 года митрополит Воронежский Сергей решил подойти к пикетчикам, что стояли напротив входа в Зал церковных соборов. Когда он приблизился к этой группке, одна из пикетчиц сунула ему в руку листовку со словами: «Возьми, почитай!» Ее соседка смутилась от столь резкого обращения и робко заступилась: «Ну, зачем же так грубо! Это ведь, быть может, батюшка!» На что первая активистка отрезала: «Да какой же это батюшка! У него же панагия висит! Не видишь, што ль? Это ж епископ!»

Порой дух революционного модернизма, в одержании которым маются некоторые «ревнители церковных канонов», проявляет себя вполне открыто: «Мне видится лишь один путь возрождения русской монархии — партийно-вождистский. Все эти игры в возвращение "бывших", в "избрание Царя" и прочие современно-"монархические" штучки-дрючки есть самая настоящая политическая декадентшина, превращающая сторонников Реставрации в кучку ностальгирующих чудиков. В стране должна быть создана мощная национал-революционная партия орденового типа, партия, вооруженная детально разработанной правой идеологией. Она тайно или явно будет под руководством молодого и энергичного Русского Вождя, чей образ великолепно описан Шульгиным: "националист по убеждениям и большевик по темпам работы". Вот он-то и есть Русский Православный Царь, власть которого освятит Церковь. Партия национал-революционеров будет представлять собой Лучших из Лучших, она составит ядро будущей русской национальной аристократии. У нее будут свои вооруженные силы, своя служба безопасности, свои орденские территории. Она превратится в Опричнину, возвышающуюся над Земщиной»¹.

Ясное дело: хорошо зафиксированный пациент в анестезии не нуждается.

И сказочки у этих опричников соответствующие: «...И тут очнулись русские люди, обрадовались, помолились Богу, и Он дал им Грозного Царя.

¹ Александр Елисеев . Монархические плаксы на фоне русского героизма // Русь православная. 2003, июль <http://www.rusprav.ru/2003/7/rp73.J6.htm>. Ср.: «Если же попытаться определить тот политический режим, тот способ власти, который нужен нашей истерзанной "реформами" Родине, исходя из тех политических реальностей, которые сегодня существуют, то я бы назвал его "православным сталинизмом". И одним из важнейших его признаков должен быть стратегический союз русской государственной власти с Православной Церковью». — Игумен Алексий (Просвирнин). Монах и воин. Беседа с генералом Макашовым // Русь православная 1999, № 1 (19). Реакция Макашова: «Ну, если так, то и я — православный сталинист».

Теперь на том Царстве Грозный Царь всех колдунов и вещунов на кострах сжигает. Конец и Богу слава!»¹

И эти люди смеют прикрываться именем Алексея Хомякова! Для славянофилов основа церковной соборности — свободное единение любящих людей. Соборное единство есть «единство свободное и органическое, живое начало которого есть Божественная благодать взаимной любви»². Но в нынешних «соборных опричниках» не чувствуется ни любви, ни умения дорожить свободой других людей.

Революционные амбиции «ревнителее православного благочестия» порой проявляются столь ярко, что отпугивают даже близких им людей. Обозреватель «Русской линии» Анатолий Степанов, побывав на Съезде Православных братств, счел нужным публично отстраниться от недавних своих соратников: «22 ноября 2004 года в Москве в здании Союза писателей России проходила годовая конференция Союза Православных братств. В зале собралось около 150 человек, среди них известные в православно-патриотических кругах деятели: лидер Союза "Христианское возрождение" Владимир Осипов, настоятель храма Св. Николы на Берсеневке игумен Кирилл (Сахаров), священники Сергей Зинченко и Александр Васькин, писатель Михаил Назаров, литературовед Марк Любомудров, филолог Татьяна Миронова, издатели журнала "Первый и последний" Константин Гордеев и Вячеслав Манягин, атаман Терского казачьего войска Михаил Инкавцов, публицист Юрий Агеев, издатель Юрий Самусенко, художник Игорь Мирошниченко и др. Председательствовал на конференции руководитель СПб и Союза хоругвеносцев Леонид Симонович. Если попытаться сформулировать лейтмотив выступлений на конференции, то его можно выразить словами **"курс на революционное православие"**. Самые яркие выступления, прозвучавшие на конференции и получившие поддержку зала, были именно такими. Тон задавала, пожалуй, Татьяна Миронова. Она заявила, что нам, православным, нужно "сделать выбор: либо мы идем за этой властью, которая взяла курс на геноцид русского народа, либо мы должны бороться с властью". Священноначалие нашей Церкви, по словам Мироновой, тоже виновато в геноциде русского народа, а потому "вместе с этой властью должно разделить ответственность за геноцид". Однако Миронова пошла дальше обличений власти и церковного священноначалия. Дальше — в область вероучения. По ее мнению, нам, православным патриотам, мешает "не-

¹ О том, как горе горькое-горе злующее с колдуном-вещуном поссорилось // Сергиев Посад. Православно-патриотический вестник. № 16, 2001.

² Киреевский И. Полное Собрание сочинений. М., 1911. Т. 2. С. 101.

правильное понимание" некоторых истин нашей веры. Татьяна Леонидовна призвала изживать это "неправильное понимание", поскольку, мол, это сдерживает активность православных "в деле борьбы с этим режимом". Что же нам, православным, мешает? Оказывается, вот что: во-первых, добродетель послушания, во-вторых, добродетель терпения, в-третьих, добродетель непротивления. Ну и, разумеется, нам очень мешает "неудачное выражение" апостола Павла, что "нет власти, аще не от Бога" (Рим., 13, 1). Позиция четкая и ясная. Можно сказать, **что начертана программа революционной борьбы с властью под лозунгами православия, настоящее "революционное православие"**. Показательно, что выступление Татьяны Мироновой было поддержано многими выступавшими на конференции Союза Православных братств. Некоторые, как известный идеолог и публицист Михаил Назаров, "полностью присоединились" к выступлению Мироновой. Некоторые выступили, по сути, с аналогичными идеями, но говорили другими словами. Некоторые пошли дальше, логически продолжив мысли Мироновой, как представитель РНЕ Ф. Кирьянов, который начал обличать Святейшего Патриарха Алексия II (в выступлении Мироновой содержалась только общая критика священноначалия), припомнив пресловутую речь перед раввинами. И практически никто не противоречил тем идеям, с которыми выступила Т. Миронова»¹.

Так как же отличить реформатора от обычного церковного человека? Ведь даже резкие критические слова в адрес иерархии могут быть сказаны в сердцах, ситуативно (а иногда — и заслуженно). Самостоятельная оценка тех или иных текущих событий церковной жизни не есть еще признак реформаторства. Революции нужна идеология, нужно альтернативное богословие. Так есть ли оно сегодня?

Да. Есть три признака, по которым можно отличить человека, уже зараженного реформацией, от традиционного церковного человека.

Первый симптом определяется по тому, какой смысл он вкладывает в слово «соборность».

Есть у историков науки такая шутка: величие человека измеряется тем, насколько он затормозил развитие своей науки. Это больше чем шутка. Авторитет подлинно великого ученого столь огромен, что многие поколения ас-

¹ Степанов А. Союз Православных братств перед выбором. Курс на «революционное православие» приведет СПб к полной маргинализации // Пуская линия <http://www.rusk.ru/newsdata.php?idar=102808>.

пирантов чахнут в его тени, не смея поставить под сомнение теории великого мэтра.

Велики были русские славянофилы XIX века. Искренние, мужественные, верующие и умные люди. Велики их заслуги перед Церковью. Но и рану русскому богословию они нанесли незаживающую. Они (и прежде всего — А. С. Хомяков) профанировали богословский термин «соборность». Богословский термин они перевели на язык этнографии и социологии, отождествив соборность и общинность.

До революции богословские труды Хомякова издавались с предупреждением от церковной цензуры — неточность выражений автора вызвана тем, что он не имел богословского образования... «Официальное школьное богословие хомяковская соборность пугает», — писал Николай Бердяев¹. Бердяевская интонация и оценки — это одно, но сам факт настороженного отношения академического богословия к теологическим опытам Хомякова Бердяев отметил точно.

Академическое богословие совершенно справедливо не усматривало никакой связи между «соборностью» и соборами как органами управления Церковью. Достаточно посмотреть «Катихизис» свт. Филарета Московского.

Славянское слово *соборный* — это не вполне удачная попытка перевести греческое слово *кафоликос*. Вряд ли можно утверждать, что именно учителя славян свв. Кирилл и Мефодий перевели греческое слово *кафоликос* как *соборный*.

В большинстве древних славянских текстов слово *кафоликос* оставалось без перевода. Лишь в XIV—XV веках слово *соборный* вытесняет *кафолический*. До той поры оно было лишь одним из многих славянских конструкторов, которыми пробовали передать смысл греческого оригинала: *мирскыи, въселенскъ, общьъ, всячьск*². Судя по этому разнобою в терминах, не Кирилл и Мефодий стоят у перевода *соборный*.

В конце концов, это просто затемняющий перевод греческого термина. Для древних славянских книжников эта неправильность была неизбежной по той причине, что наиболее точный смысл слова *кафоликос* — *вселенский* —

¹Бердяев Н. А. О характере русской религиозной мысли XIX века // Типы религиозной мысли в России. [Собрание сочинений. Т. III] Париж: YMCA-Press, 1989. С. 26.

²См.: Гезен А. История славянского перевода Символов веры. Критико-палеографические заметки. СПб., 1884.

был уже занят совсем другими денотатами. Термин «вселенная» воспринимался как синоним Византийской империи (а славянские идеологи не хотели считать свои земли частью греческой империи), и вселенской Церковью называла себя именно и только патриархия Константинопольская.

Славянское слово *соборный* было бы хорошим переводом греческого слова *синодикос*, поскольку *собор* по-гречески — *синод* (буквально *сопутние, идущие вместе*). А вот слово *кафоликос* надо было бы перевести как-то иначе.

Слово *олос* в классическом греческом языке означает *целый, цельный, полный, совершенный, весь*. Соответственно, *каф-оликос* означает *всеобщий*. У Аристотеля *кафолико лого* значит *вообще говоря* (в смысле *общее правило*). Наречие *кафолу* означает *всеобщие*.

Философы словом *кафоликос* пользовались для обозначения предельных реалий¹. Зенон писал трактат об универсалиях, *кафолика*. При этом универсальное понималось как нечто единственное, его нельзя было путать с суммой. Это то целое, которое прежде и первичнее своих «частей», то целое, которое придает смысл и бытие своим компонентам².

Единство и целостность Церкви строятся Сверху: Единый Бог дарует Себя и Свое единство людям...

И все же слово *кафоликос* слишком непонятно: предлог *ката* означает *по*; корень *ол* — *всё* ... Получается — *повсемный*. Но по чему — по всему?

Было время, когда и на Западе, и на Востоке слышался одинаковый ответ на этот вопрос: «Церковь называется соборною потому, что она в целой вселенной, и потому, что во всеобщности и без всякого опущения преподает все, долженствующее входить в состав человеческого ведения. Наконец, потому, что как повсеместно врачует она всякого рода грехи, так в ней же приобретается все, именуемое добродетелью»³. «Церковь называется ка-

¹ См.: Анри де Любак. Католичество. Милан, 1992. С. 32.

² Прекрасно это выразил Честертон: «Церковь — не клуб! Если из клуба все уйдут, его просто не будет. Но Церковь есть, даже когда мы не все в ней понимаем. Она останется, даже если в ней не будет ни кардиналов, ни папы, ибо они принадлежат ей, а не она — им. Если все христиане умрут, она останется у Бога» (Честертон Г. К. Шар и крест // Приключения'90. М., 1990. С.303).

³ Св. Кирилл Иерусалимский. Огласительные слова. М., 1855. С. 340-341.

фолическою потому, что она совершенна в целой общности своих членов, и не заключена ни в ком из них, и что распространена по всему миру»¹.

Но необходимость борьбы с локально-ограниченными африканскими сектами заставила Августина сместить акцент в этой формуле. Неправда раскольников-донатистов кажется ему очевидной — ведь за пределами Африки их учение не имеет сторонников. «Вы под свойством веры кафолической понимаете обязанность выполнять все заповеди Божий и таинства, а не распространение ее по всей вселенной» — ставил на вид донатистам блж. Августин².

Донатисты же считали себя верными традициям и утешались тем, что с ними старина, а не большинство современников. На Карфагенском соборе 419 года донатист заявил: «Вселенская Церковь основана не на множестве отцов, а на чистоте и неповрежденности таинств»³. В общем эта позиция верна. Она и стала главенствующей в богословии восточных отцов. «Один человек плюс Бог — это уже большинство», — так понимается кафоличность в Православии⁴. Пусть даже Максим Исповедник (или Марк Эфесский) один, но если с ним Бог, то это уже большинство. Таково вертикальное измерение соборности и кафоличности.

На Западе все больше акцент делался на географической эйфории. Приводя цитату из документов Второго Ватиканского собора, современный католический автор, например, пишет: в этом тексте «показана реализация в католической Церкви признака католичности и основные его составные моменты: множество членов и широкое общественно-географическое пространство. Это достаточное основание считать, что данная Церковь обладает действительно реализующимся признаком католичности»⁵.

Для Востока Церковь соборна по вертикали, ибо «держит собор» с Богом; для Запада — по горизонтали, ибо ее голос слышен повсюду. Но как бы ни разнились понимания кафоличности на Востоке и на Западе, нигде до славянофилов кафоличность не понималась как демократическая общин-

¹ *Августин*. О книге Бытия, буквально. 1 // *Августин, епископ Иппонский*. Творения. Ч. 7. Киев, 1912. С. 98.

² Цит. по: *Кутепов Н.* Раскол донатистов. Казань, 1884. С. 51.

³ Там же. С. 221.

⁴ Должен, правда, признаться, что эту формулу я взял не у самих отцов, а у немца Фрэнка Бухмана.

⁵ *Наги Станислав*. Католическая Церковь. Богословские обоснования. Рим-Люблин. 1994. С. 235.

ность, как участие «церковных журналистов» и пономарей в работе Архиерейских соборов.

Церковь соборна с минуты Пятидесятницы. Она была соборной и во II и III веках — от Апостольского собора до эпохи Вселенских Соборов. Церковь в это время жила, не управляясь какими-то великими соборами, и тем не менее соборность Церкви как ее онтологический атрибут в ней оставалась.

В Российской империи в XVIII—XIX веках не было соборов. Тем не менее и наша Церковь оставалась соборной, опять же не по способу избрания главы и не по процедуре принятия решений, а потому, что там, где Господь пребывает со Своей Церковью, там Церковь кафолична. Тогда она содержит всю полноту благодати, полноту таинств, независимо от того, как избирается Патриарх. Соборность — онтологическое свойство Церкви, а не указание на образ управления ею¹.

Тот же, кто говорит, что «для возрождения соборности» нужны референдумы и съезды церковных депутатов, показывает лишь меру своего незнакомства с традицией церковного богословия². Я же не могу не присоединиться к мнению прот. Георгия Флоровского, по оценке которого славянофильская соборность — это «фальшивая кафоличность»³.

Второй признак человека, вдохновляемого жаждой реформации — это напористое цитирование фразы из «Послания восточных патриархов» о том, что в Православии народ выступает хранителем веры и благочестия.

Фраза, некогда столь поразившая славянофилов своей демократичностью, гласит: «У нас ни патриархи, ни соборы никогда не могли ввести что-нибудь новое, потому что хранитель благочестия у нас есть самое тело Церкви, то есть самый народ, который всегда желает сохранить веру свою неизменной»⁴.

¹ Алексею Хомякову, впрочем, удавалось выражать и более глубокое понимание соборности: «Не лица и не множество лиц в Церкви хранят Предание и пишут, но Дух Божий, живущий в совокупности церковной» (Хомяков А. С. Церковь одна // Сочинения. Т. 2. Работы по богословию. М., 1994. С. 8).

² «Один из примеров искажения всей церковной жизни — это перенос гражданско-правовых понятий и политических терминов во внутрицерковную жизнь. Есть попытки внедрить на приходах религиозно-демократический плюрализм» (Патриарх Алексий. Войдите в радость Господа своего. Размышления о вере, человеке и современном мире. М., 2004. С. 76).

³ Уильямс Дж. Неопатристический синтез Георгия Флоровского // Георгий Флоровский: священнослужитель, богослов, философ. М., 1995. С. 313.

Ну, во-первых, Хранитель Православия, Хранитель благочестия в Церкви только один — Христос. Это единственный гарант существования Церкви.

Во-вторых, непонятно выражение «тело Церкви». Сама Церковь есть тело Христово (Еф. 1,23). И что же это за «тело тела»? И если народ есть «тело Церкви», то духовенству тогда остается что — быть вне тела Христова?

В-третьих, народ лишь частица церковной соборности. В Церкви как теле Христовом есть разные служения. В том числе — иерархическое и богословское. Эти служения не могут осуществлять себя в отрыве от остальных, но и иные части тела Христова без них не могут претендовать на полноту и на целокупное имя «тела»¹. Поэтому уравнение церковного «тела» и народа надо признать ошибочным.

Ректор Московской Духовной Академии прот. Александр Горский подметил эту погрешность славянофильской «соборности» еще в XIX веке: «Хомяков утверждает, что охраняет Церковь от погрешностей не иерархия, а народ, и приводит слова Грамоты патриархов 1848 года. Это несправедливо. Он воображает, что после Вселенских Соборов бывали какие-то еще рассуждения у неприсутствовавших на соборах о том, правильно ли решен тот или другой догматический вопрос, и только после рассмотрения и единогласного одобрения принимались эти определения. Это фикция. Таких суждений никто снова не предпринимал, тем менее миряне. Если и было после некоторых соборов, именовавших себя вселенскими, опровержение их, как после собора иконоборческого или Флорентийского, то не миряне единственно восставали, но с ними и остальные иерархи, на соборе не присутствовавшие или на соборе терпевшие насилие. Что касается до слов Грамоты, то она имеет в виду только внешнее охранение, а не развитие и разъяснение учения. Во времена гонения на Православие множество православных естественно должно было защищать пастырей своих, готовых стоять за Православие, и императоры опасались их трогать, например, Валент — Василия Великого. С другой сто-

⁴ Окружное послание Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви ко всем православным христианам (1848 г.) // Догматические послания православных иерархов XVII—XIX веков о православной вере. Троице-Сергиева Лавра, 1995. С. 233.

¹ «Тело же не из одного члена, а из многих... Если все тело глаз, то где слух? если все слух, то где обоняние?.. А если бы все были один член, то где было бы тело? Но теперь членов много, а тело одно... И вы — тело Христово, а порознь — члены. И иных Бог поставил в Церкви, во-первых, Апостолами, во-вторых пророками, в-третьих, учителями... Все ли апостолы? все ли пророки? все ли учителя?» (1 Кор. 12, 14-29).

роны, конечно, и пастыри иногда побаивались своего народа, когда они жели в чем-либо изменить истине. В этом смысле говорится, что и наш раскол немало способствовал сохранению нашей Церкви в древнем ее положении. Но это не дает еще права объяснять непогрешимость Церкви миром, то есть обществом мирян, помимо иерархии: без учителей веры, что было бы это стадо?.. Хомяков говорит, что Церковь "оставляет за собой право судить о том, верно ли засвидетельствованы ее вера и ее Предание". Это выводится из истории некоторых соборов, даже имевших притязания на наименование вселенских, которые однако же потом были отринуты Церковью, например, собор Флорентийский. Но что же? кто отрицал его? кто осудил его? Народ, но не один народ. А формально осудили его патриархи и епископы, не бывшие во Флоренции, патриархи, которые давали полномочия своим местоблюстителям, представлявшим их лица на соборе, и которые потом могли, и даже обязаны были, проверить действия своих представителей на соборе»¹.

В-четвертых, весьма странно поступили греческие иерархи, решившие похвастаться перед Европой своей демократичностью и «соборной любовью» и при этом не нашедшие нужным обсудить заготовку своего послания с крупнейшей православной Церковью мира — с Церковью Российской Империи (ведущим иерархом которой в ту пору был свт. Филарет Московский). Это вековечное греческое презрение к «северным варварам» показывает, что патриархи сами не верили в то, что они говорили. Это была не более чем греческая красивость. Любой, кто имел общение с греками и знает историю Византии, понимает, что возвышенные эпитеты и красивые хвалебные словеса весьма девальвированы в греческой церковной словесности.

В-пятых, в этом тезисе обнаруживается внутреннее противоречие. Если народ — хранитель Православия, то какое нам дело до того, что сказали восточные патриархи? Вот если бы был проведен на Ближнем Востоке референдум, и в ходе Референдума народом был бы одобрен сей тезис, тогда он бы был логичен. А так получается, что высшие иерархи смиренно говорят: народ, послушай нас в последний раз и после знай, что ты, народ, и есть мерило веры.

В-шестых: сохранить-то веру неизменной церковный народ, конечно, желает. Но знает ли он ее? И как он может хранить то, чего не знает?

Человек не может хранить то, чего не знает. Человек не знает того, что он не в состоянии рассказать и объяснить Вот апостол Петр и призывает:

¹ Замечания прот. А. В. Горского на богословские сочинения А. С. Хомякова // Богословский вестник. М., 1900. Ноябрь. Т. 3. С. 540.

«будьте всегда готовы всякому, требующему у вас отчета в вашем уповании, дать ответ» (1 Петр. 3, 15). Самый верный способ выучить и запомнить некий материал — это пересказать и объяснить его другому... Так что скорее у протестантов, прихожане которых не расстанутся с Библией, народ выступает хранителем той веры, которой он был научен.

Много раз я просил православные аудитории вспомнить тот апостольский текст, который они слышат чаще всего. Более всего праздников церковного календаря посвящено Божией Матери и ее чтимым иконам. Более всего молебнов служится Божией Матери. Апостольское же чтение в этом случае — это Флп. 2, 5–11. В этом тексте есть такие слова: «Он, будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу, но уничижил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек, смирил Себя даже до смерти, и смерти крестной. Посему и Бог превознес Его и дал Ему имя выше всякого имени, дабы пред именем Иисуса преклонилось всякое колено небесных, земных, и преисподних». Зачем я прошу православных вспомнить и запомнить эти слова апостола? Да ведь если бы мы помнили эти слова — то у «свидетелей Иеговы» не оставалось бы никаких шансов для проповеди своего учения в православной стране. Как они могли бы утверждать, будто Библия не учит о том, что Христос был Богом, если бы православные в ответ напоминали им этот текст? Ведь в нем ясно сказано, что Христос не считал воровством признать Себя равным Богу! Если бы Он был лишь ангелом (пусть даже архангелом), такое мнение Его о Себе Самом было бы чудовищным кощунством. В том же тексте ясно говорится о том, что именем Иисуса, а не Иеговы должно быть преклонено всякое колено (впрочем, имя Иеговы входит как составная часть в имя Иисуса, которое по-еврейски означает «Иегова спасает»)... Но даже этот, самый читаемый в Богослужении, библейский текст православные прихожане не помнят и не понимают. И потому даже важнейшую свою святыню — веру в то, что спасти нас пришел Сам Бог, а не ангел, не могут защитить...

Народ, который не помнит фундаментальных текстов Писания, не может их пересказать и защитить — христианское ли благочестие он будет хранить?¹

¹Иеромонах Симон Кохановский в 1720 г. свидетельствовал в своей благовецкой проповеди: «Бабьими баснями и мужицкими забобонами (суевериями) весь мир наполнился: уже бо неточию священницы и прочие книжные люди, но и неграмотные мужики и бездельные деревенские бабы всю тую диавольскую богословию наизусть умеют — которая пятница святейшая и которая сильнейшая, которая избавляет от огня, которая от воды, которая от вечной муки. А молитву «Отче наш» разве сотый или тысящный мужик умеет! На сколько просфорах обедню служити — все о том ссорятся, а что есть причастие Тела и Крови Христовой, того и не поминай...

А поскольку богословски-догматические вопросы в народе малоизвестны, то возможные перемены в этой области тем более могут оставаться незамеченными.

На этот свой тезис я однажды встретил возражение: «Но как тогда быть с тем, что православные греки все-таки отвергли Флорентийскую унию (то есть явили чистоту догматического мышления), в то время как епископат ее подписал? Или этот пример — исключение?»¹ Нет, это даже не исключение. Это просто — не пример. Народ, хоть и глухо роптал, но в общем-то не восстал ни в 1439 году, ни в 1452-м (официальное объявление унии в Константинополе произошло 12 декабря 1452 г. в храме Св. Софии)².

Не народный бунт смел унию, а турки (точнее — Промысл Божий через турок, которым Он передал власть над Константинополем)...

Народ же в последний день Константинополя устремился именно в тот самый храм Св. Софии, который формально был уже униатским. Та, последняя, литургия, о которой потом сложили так много легенд, была униатской... Но для турок, захвативших Константинополь всего лишь через полгода после обнародования унии, было политически выгодно отколоть восточных христиан от западных. Идея унии лишилась государственной, светской поддержки. И потому для епископата, не связанного более императорской во-

Сказки бездельные, бабьи басни и продолженные срамотные песни и малые дети наизусть умеют. А десять заповедей Божиих и старые мужики того не знают» (цит. по: Пекарский П. П. Наука и литература при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1-2. С. 3-4).

¹Елена Степанян. Тот, кто говорит неприятные вещи. К выходу в свет книги диакона Андрея Кураева «Оккультизм в Православии» // Православная беседа. 1999, № 1.

²«При других обстоятельствах все это могло бы кончиться бунтом, расколом, но ничего такого в настоящее время не произошло. Уния имела своим последствием в рядах приверженцев православия нечто совсем неожиданное. В день провозглашения унии жители обоого пола и всех сословий, недовольные этим делом, устремились толпами из Софийского храма к келье одного монаха, по имени Геннадий Схоларий (впоследствии патриарха). Ответ Геннадий начертал на дощечке, выставленной на дверях его келии. Ответ очень понравился ревнителям православия. Они сочли нужным выразить свою радость каким-нибудь празднеством. И вот греки из монастыря рассеялись по трактирам; здесь они пили за погибель папских приверженцев из их среды, опорожняли свои стаканы в честь Богоматери и заплетающимися языками просили Ее защитить город от Магомета. В двойном опьянении, от религиозного исступления и от вина, они отважно восклицали: "Не нуждаемся мы ни в какой помощи от латинян.» (Лебедев А. П. Исторические очерки состояния Византийско-восточной церкви от конца XI до середины XV века. СПб., 1998. С. 344-345. Впрочем, Лебедев здесь всего лишь переписывает у Гиббона. См.: Гиббон Э. Закат и падение Римской империи. Т. 7. М., 1997. С. 354-355. В отличие от Лебедева, Гиббон, правда, отмечает, что Геннадий был участником Флорентийского собора и там он поддерживал унию — с. 387). Что это — «хранение благочестия» или выплеск застарелой ненависти?

лей, уже не составило труда отвергнуть униональные подписи... А в Москве не возмутились ни епископы, ни народ. Тут при известии о заключении унии «все князи умолчаша и бояри и инии мнози, еще же паче и епископы руския вси умолчаша и воздремаша и уснуша». Здесь отторжение унии (изгнание митрополита Исидора) произошло по инициативе и воле великого князя Василия Васильевича¹. Кстати, именно Исидор в 1452 г. уже в качестве папского посла и возглашал унию с Константинопольской Церковью (спустя полгода он убежит от турок, переодевшись простолюдином)... А в другой византийской столице — Фессалониках — народ не принял св. Григория Паламу в качестве своего архиепископа².

А о том, что богословские революции могут происходить незаметно для народа, свидетельствует хотя бы история русского богословия: двухсотлетнее пленение школьного богословия католической схоластикой вызвало в конце концов протест среди самих ученых богословов (вспомним хотя бы архиеп. Сергия (Страгородского) и свт. Илариона (Троицкого)), но не в монастырях и не на приходах... И вновь повторю свой аргумент: исходя из формулы «народ — хранитель благочестия» нельзя объяснить, отчего, например, западноукраинский народ своим сердцем принял унию, а восточноукраинский опять же сердцем ее отверг...

Наконец, стоит помнить, что в «Послании патриархов» тот народ, что хранит благочестие, по-гречески назван *лаос*, а не *этнос*. Этот народ не имеет отношения к этническим общностям и к социологическим вопросам. Здесь «народ» — это «верные», люди Церкви, живущие Церковью и живущие церковно. О них говорит формулировка «Катихизиса» современника авторов «Послания» — московского святителя Филарета: «Все истинно верующие, соединенные Священным Преданием веры, составляют из себя Церковь, которая и есть верное хранилище Священного Предания»³. Здесь вполне осознанный и нарочитый круг в определении: те, кто в Предании, и хранят Предание. Не народ, но верные хранят веру. Верные же — это те, кто достойно и «с рассуждением» (ср. 1 Кор. 11, 29) участвуют в Литургии верных.

Есть еще в греческом языке для обозначения народа слово *демос*. Может быть, именно *демос* свят и непогрешим? В текстах Нового Завета слово *демос* употребляется три раза: Деян. 12, 22: «а народ восклицал: это голос

¹См.: Карташев А. В. Очерки по истории Русской Церкви. Т. 1. М., 1991. С. 356.

²См.: Успенский Ф. И. История Византийской Империи. XI-XV века. М., 1997. С. 576.

³Филарет Московский, митр. Пространный христианский катихизис. М., 1909. С. 6

Бога, а не человека», — и это была всенародная лесь Ироду. А в Деян. 17,5 и 19, 30—33 *демос* — это толпа¹. «Толпа — хранитель благочестия» звучит несколько странно...

Так, может, всегда «чувствует» Православие *этнос*? Насколько православно, «верно» православное население православных стран? Насколько «рассудительно» его участие в Литургии? Нет — богословскую работу по уяснению истин Предания нельзя подменять этнографическими исследованиями того, «какую веру верует» этнос. Руссоизм, «народничество», народопоклонство неприемлемы в богословии. Призывы к «опрощению», обучению «у народа», «слиянию с народной стихией» опасны — как опасны любые призывы к играм со стихиями. И если мы «со Христом умерли для стихий» (Кол. 2, 20), — то эта смертность (в смысле неподвижности, отсутствия реакции на провокации и приглашения со стороны мирских стихий) должна быть распространена и на стихию народную.

И уже тем более нельзя из этой формулы выводить нечто более радикальное: мол, народная вера и есть нормативное Православие и критерий Православия. Не все то, во что верит прихожанин, православно. Не все свои верования он почерпнул из церковной проповеди, из Писания и святых отцов². Не все приходские «предания» тождественны преданиям вселенским.

¹В Синодальном переводе Деян. 17, 5 и 19, 33 слово *демос* переводится «народ», но по смыслу — именно «толпа». — *Ред.*

²«А еще в эти дни русский крещеный человек (обычно степенный и осмотрительный), забыв обо всем, как одержимый, буквально бросается в объятия к нечистой силе. Нарушая всевозможные табу, грешит жадно и безоглядно. Грешит так, словно не может не грешить... "На стыке Старого и Нового года, — согласно народному поверью, — есть страшный разлом. Господь Бог на радостях, что у Него родился Сын, позволил чертям покинуть преисподнюю, вот они и гуляют-шалют на воле до самого Крещения. И ничего тут не поделаешь..." Гадая тысячу различных святочных способов "на суженого-ряженого", деревенская девушка никогда не забывала снять с себя нательный крестик и пояс-оберег (со словами псалма "Живый в помощи Вышняго ..."), чтобы не распугать ненароком чертей — какое без них гадание? Привычный страх перед нечистой силой, заставлявший прежде крестить даже зевнувший рот (чтобы бес не залетел), на Святки куда-то улечивается. Все наперебой стремятся угодить расшалившимся чертям. Сентиментальные малороссийские колядки, исполняемые чинными «христославами», да кукольные вертепы с волхвами-пастухами (то, что нынче ошибочно считается русской святочной традицией) — на самом деле не более чем позднее заимствование. До XVIII века этих благопристойных «импортных» развлечений на Руси не знали — «бал правили» сплошные непристойности. В отличие от порядком «окатоличенных» малороссов (панически боящихся всякой нечисти), русские люди (особенно на Севере) с чертями были "на короткой ноге" — баловали домовика-хозяйку нюхательным табаком, а банника — ржаным хлебцем, вышивали маленького "личного" чертика на изнанке рубахи (чтобы чужих не подпускал). В общем, принимали Божий мир таким, каков он есть, — с чертями. Считалось, что по-настоящему страшна лишь

И не все свои верования прихожанин раскрывал перед духовником и повергал его суду. Не все даже замеченные псевдоправославные верования духовник счел пастырски необходимым оспорить¹.

"Верные», посещающие наши храмы и даже причащающиеся в них, далеко не во всем верны Православию². А если он не верен Православию — значит, он и не член того *лаоса* (церковного народа), который хранит Православие.

В общем, народное происхождение некоего поверья — не индульгенция. Принятие чего-то прихожанами еще не есть гарант духовной доброкачественности. Слишком много церковная история знает примеров, когда церковный народ послушно оставлял Православие и следовал в ересь вслед за своими пастырями... И даже больше: та же Западная Украина дает пример настойчивого отторжения Православия народом, которому православное государство пыталось вернуть его бывшее православное благочестие...

чужая нечисть (различали "своебесие" и "чужебесие")... *"Маленький, щупленький, носик востренький, в очках, говорит быстро, складно, да ничего не поймешь, и все время улыбается..."* "Тьфу! Одно слово: "хвранцуз". Ну как от такого отбиться без "рогатых союзников"?!" Святки — самая нижняя точка годового календарного круга — самое время с ними водиться... Вот и колобродит русский человек чертям на радость, себе — на пользу 12 дней. А в ночь на тринадцатый — начертит где только можно мелом крест, помолится в Божьем храме и, несмотря на лютейший крещенский мороз, с головой окунется в прорубь-иордань, смывая жирную копоть святочного баловства, заново рождаясь для явившего Себя миру в этот день Божьего Сына...» (Владимир Голышев. Святки // Завтра 2000, № 2). Это не этнографические заметки. Это патриотическое воспевание чего угодно, лишь бы «народного».

¹Пример фольклорного верования, с которым церковное учительное слово не спорит: народное убеждение в том, что на Пасху всегда солнышко играет, а на Богородичные праздники (особенно на Благовещение) небо голубое. Спорить тут, конечно, не стоит. Но во избежание разочарований неплохо было бы держать в уме заметку из дневника Государя Николая Александровича: «25.3.1918. Благовещение. Крестопоклонное воскресенье. Погода была неудачная — серая и холодная» (Дневники Императора Николая II. М., 1991. С. 672).

²Кстати, вот один из вопросов, на которые у меня нет ясного ответа: почему католическим мирянам мы не прощаем их ошибочного верования в папскую непогрешимость или *Filioque* и не допускаем их до причастия в наших храмах, а наших собственных прихожан, которые сплошь и рядом придерживаются заблуждений гораздо более серьезных — спокойно причащаем, не заботясь об исправлении их суеверий? Неужели не понятно, что за приходским суеверием, запрещающим есть арбузы и яблоки и вообще все круглое в день усекновения главы Иоанна Предтечи, стоит матерый магизм (так называемая симпатическая магия, отождествляющая разные предметы на основании наличия у них одной схожей черточки; в данном случае — круглость головы и арбуза). В этой детали проглядывают языческие глубины, так и не преображенные евангельской проповедью. И это по меньшей мере такой же магизм, как и тот, что верит, что на ватиканском престоле восседает оракул, облаченный властью изрекать непогрешимые истины. Чужой магизм мы не прощаем, но свой почему-то терпим...

Если народ хранит Православие — значит, Православие есть не более чем часть «этнографического наследия». Вернее было бы сказать иначе: Православие хранит народ. Бог милостью Своею терпит нас и несмотря на все наши беззакония (как личные, так и общенародные) все же не отрекается от нас. И те люди из народа, которые будут держаться Православия, не отступят от него, — будут сохранены в той самой Церкви, которую славянофилы воспевали как «организм любви». Нет, не народ хранит Православие. Бог, Который есть Любовь, долготерпит на нас и сохраняет нас в той Церкви, которую Он стяжал Своею Кровию (а совсем не нашим «благочестием»). Не народ выступает гарантом благочестия истинной веры, но истинная вера сохраняет этот народ на сверх-языческом уровне духовного развития.

История Церкви знает более чем достаточно примеров, когда народ, сохраняя свое обычное благочестие, тем не менее оказывался вне Церкви, в силу того, что иерархия уклонилась в ересь. После утверждения в Египте монофизитства — заметили ли египетские и эфиопские крестьяне, что их благочестие уже вне Православия? А немецкие и английские простолюдины смогли ли своим благочестием удержать самих себя в Церкви? Заметили ли они сами тот миг, когда европейская церковная иерархия отпала от Православия? Чем благочестие греческих крестьян было выше благочестия крестьян франкских, испанских или итальянских? Значит, не от уровня народного благочестия зависело — сохранит ли эта церковная провинция Православие, или же отойдет от него... Само по себе благочестие слишком часто оказывается бессильным и безмолвным перед лицом искажений веры со стороны богословов и иерархов. Только в тех случаях, когда реформаторы неумно вмешиваются в обыденное течение благочестивой жизни, — они обращают на себя внимание народа и вызывают его возмущение (отрицанием икон или запретом именовать Марию Богоматерью). Но те изменения верования, которые не сказываются прямо и очевидно в течении приходского богослужения, могут пройти вполне незаметно, и «народное благочестие» даже не заметит, что произошла подмена...

При обсуждении этой темы стоит также помнить, что русский народ принял большевизм. История нашей страны показывает, что наш народ дружно голосовал за Ельцина, с энтузиазмом голосовал за Путина, а сколько восторгов вызывал Михаил Сергеевич Горбачев в начале своего правления! Я уж не говорю о всенародном культе Аллы Пугачевой, Кашпировского и прочих «духовных лидеров».

Говорить о народе как хранителе благочестия вообще можно было только в эпоху до социологических опросов.

Социологические опросы показывают, что даже наши постоянные прихожане весьма смутно представляют, к неверию во что их обязывает вера в Христа. Опрос, проведенный среди москвичей социологическим центром МГУ, показал, что «в гороскопы верят 26% православных. Среди христиан верят в колдовство, порчу и дурной глаз — 47%, в спиритизм — 18%. Стоит обратить внимание на то, что если в колдовство верят 47% христиан, то в дьявола только 32%. Значит, далеко не все считают магические чары пособничеством дьявольских сил. Если сравнивать характеристики сознания «определенно верующих» и «определенно неверующих», то есть, по сути, атеистов, то выясняется, что именно последние в 2—4 раза меньше подвержены влиянию суеверий, оккультизма, сатанизма. Так, соотношение верящих в колдовство среди верующих и атеистов соответственно 57% и 21%, в астрологию — 29% и 15%, в спиритизм — 25% и 6%. Более того, распространенность веры в колдовство среди верующих прямо пропорциональна частоте посещения ими церкви. Так, численность верящих в колдовство, порчу, дурной глаз почти одинакова среди посещающих церковь еженедельно (54%), два-три раза в месяц (59%), один раз в месяц (50%), от двух до пяти раз в полгода (54%); снижается она только среди посещающих церковь довольно редко — один раз в полгода и один раз в год (соответственно 41% и 40%), еще ниже становится среди тех, кто вообще не посещает церковь (31%), хотя, казалось бы, все должно быть наоборот. Верящих в астрологию, гороскопы также максимальное и почти неизменное число среди наиболее частых прихожан: среди посещающих церковь еженедельно — 34%; два-три раза в месяц — 39%, один раз в месяц — 34%. Среди тех, кто не ходит в церковь, верящих в предсказания астрологов вдвое меньше — 16%. Тот факт, что распространенность суеверий и оккультизма среди верующих прогрессирует по мере увеличения частоты посещения ими церкви, свидетельствует о слабом влиянии духовенства даже на постоянных прихожан, которые выходят из храма с теми же заблуждениями, что и пришли»¹.

Так что при возобновлении шарманки о благочестивом народе, который-де обижают епископы и богословы, я лучше вспомню трезвые слова монархического русского публициста М. Меньшикова:

¹ Варзанова Т. Во что верят прихожане? Религиозное сознание современных верующих // Русская мысль. Париж, 4 сентября 1997.

«Откинем раз навсегда надменный взгляд, будто мы выше народа. Но к чему же ложно унижать себя, утверждать, что мы ниже народа? Что касается меня, я чувствую себя ни выше, ни ниже, а как раз на уровне моего народа, родного мне не менее, чем Толстому. Я чувствую, что рассуждаю, как рассуждали бы многие мужики на моем месте, я знаю, что, ходи я за сохой, мой природный ум нуждался бы, конечно, в раскрытии некоторых общечеловеческих идей, но в существе своем и силе был бы тот же, что и теперь. На верхах ученой интеллигенции я встречал жалко-незначительных людей, как и в глубинах народных встречал мудрецов, однако бывало и наоборот. Если я имел счастье встретить в образованном кругу Льва Толстого, Чехова, Вл. Соловьева и многих других, то никак не могу счесть это доказательством полного бесплодия образованности и невозможности ничему научиться наверху. Среди крестьян не меньше, чем среди дворян, мне доводилось видеть великое множество глупцов, людей дрянных, ленивых, распущенных — и чтобы народ "один в огромном большинстве своем" жил "спокойной, разумной, трудовой жизнью", — этого признать я решительно не могу. По моим наблюдениям, народ живет, как и интеллигенция, в огромном большинстве беспокойной и неразумной жизнью, и если трудится, то, как и рабочая интеллигенция, в большинстве очень плохо и поневоле. И в народе, и среди нас крайне мало действительных философов, мудрецов, артистов труда. Не отрицаю, что такие водятся, но зачем же говорить неправду, будто они в народе водятся в "огромном большинстве"? Чтобы сказать решительно: "Учитесь у народа!", надо быть антиподом Моисея, антиподом вообще пророка. Для этого надо забыть все грязное и скверное, чем заражен народ глубже кожи, иногда до мозга костей. Надо забыть такие явления, как "власть тьмы", о которой писал сам же Лев Николаевич. Надо забыть бытовую жестокость, распущенность, разврат, омерзительное пьянство, снохачество, детоубийство, смертные побои жен своих, самосуд и озорство, переходящее гораздо чаще, чем думает Толстой, в "скверные преступления" тысячной части народа. Само собой, все больное и грязное в народе перебито светлыми и жизненными тканями духа, но не в такой, однако, мере, чтобы именно тут находить исключительные сокровища. Народ наш — как и все народы — очень беден, и этим все сказано. Источник внешней бедности — внутренняя бедность, бедность духа, та поразительная склонность к порче, которую оплакивал Моисей»¹. В ходе «народной революции» Меньшиков был расстрелян...

Через всю библейскую историю проходит конфликт между пророками и народом. Библейская религия — это не религия, созданная евреями, но ре-

¹Меньшиков М. О. Голос Церкви // Выше свободы. Статьи о России. М., 1998. С. 371-373.

лигия, навязанная евреям. Стоит Моисею отойти в сторону от своего «жестоковыйного» народа, как тот ударяется в привычно-родное идолопоклонство. Пророки вновь и вновь посылаются к народу, жестко бьют его по рукам, требуя оставить магические и оккультные поползновения...

Когда апостол Павел именует Ветхий Завет «детоводителем ко Христу» (Гал. 3, 24), он говорит нечто очень суровое. Странное, не встречающееся более в русском языке слово «детоводитель» есть калька с греческого педагогос. Но было бы ошибочно передать его современным русским словом «педагог». Если в современном русском языке педагог означает учитель, то в античном мире это было не совсем так. На русский язык лучше всего перевести его словом «дядька» (слав. *пестун*).

Педагог смотрит за тем, чтобы ребенок дошел до класса в таком состоянии, чтобы смог слушать и слышать рассказ учителя. Сам же педагог — не учитель. Он — поводырь, именно дядька, смотрящий за мальцом и замолкающий, когда в классную комнату наконец-то входит господин учитель.

В античности педагогом назывался раб, служение которого прежде всего состояло в том, чтобы провожать мальчика от дома до школы, следя за тем, чтобы ребенок по дороге не шалил, не тратил силы и внимание попусту. Педагог не учит. Он надзирает, сохраняет время и внимание ребенка свободными для того, чтобы учитель, которому вскоре педагог передаст своего подопечного, смог преподать свои знания.

Но — педагогом быть опасно. Ведь желания воспитанника и задачи, поставленные перед педагогом, могут расходиться. А значит, педагог вынужден бывать строгим: «мы заключены были под стражею закона до того времени, как надлежало открыться вере... по пришествии веры мы уже не под руководством детоводителя» (Гал. 3, 23–25).

Дети подрастают, наполняются силами и начинают бунтовать против тех, перед кем смирились еще вчера. «Должность педагога сопряжена была с неприятностями. Иногда ученики самые злые шутки проделывали над бедным педагогом. Если педагог возбуждал ненависть в своих молодых питомцах, горе ему. Случалось, что дерзкие шалуны сажали бедного педагога на ковер, какой обыкновенно постилался на полу, подбрасывали ковер с сидящим на нем кверху, как можно выше, сами же отскакивали, так что педагог низвергался наземь; иногда он больно ушибался, причем сама жизнь его под-

вергалась опасности. Но педагоги должны были прощать ученикам, потому что они были рабского состояния...»¹.

О религии Нового Завета тем более нет никаких оснований говорить, будто это религия, выношенная еврейским народом. «Не вы Меня избрали, а Я вас избрал» (Ин. 15, 16). Понимание христианства будет крайне затруднительно, если с самого начала не обратить внимание на его подчеркнутую не-демократичность. Церковь строится от верха, от Главы, а не снизу, от почвы. Апостолы не просто избраны Христом, но еще изменены, преображены Им, очищены, омыты (Ин. 13, 10) от народных предрассудков. Им дан Дух, который «не от мира». Им дано учение, которое было странным и для эллинов, и для иудеев.

В этом радикальное отличие библейской религии от язычества. Это славянское слово на русский язык лучше всего перевести как «народничество». Язычество — это религии народов, народные религии. Человек и люди, времена и народы создают себе религиозные представления, руководствуясь законами своего естества. Это «естественные религии», те религии, которые возникли вне диалога с Богом, вне благодатного откровения и поддержки. В этом случае человек создает религию по своему образу и подобию. Он проецирует в религиозную сферу свои ожидания и страхи, свои представления и чувства. А чего именно обиденный человек ожидает от религии — хорошо известно: «чуда, власти и авторитета», то есть: магии.

Народная, массовая религия может быть только языческой. Собственно, это просто тавтология: народное и есть языческое. Народная религия может быть не-языческой лишь в том случае, если эта религия не выработана им самим, но предложена ему извне. Но тут нужно очень четко следить за своим языком: в этом случае народ не «хранит религию», а «держится религии».

Одно из важнейших назначений церковного богословия, т. е. церковной мысли, состоит в борьбе с псевдоправославными суевериями, которые вновь и вновь рождаются в языческих толщах народных масс. Не может быть «демократии» в Церкви потому, что истина здесь не вырабатывается людьми, но открывается Богом. Слово Божие должно быть защищено от слишком человеческих истолкований (да и от забвений). Конечно, контроль за тем, чтобы эта откровенная истина не искажалась и не перевиралась, должен быть взаимным: и иерархия контролирует языческие порывы народа, но

¹Меньшиков М. О. Голос Церкви // Выше свободы. Статьи о России. М., 1998. С. 371-373.

и благочестие верных (лаоса) может при нужде осаживать безблагодатно-человеческие эксперименты иерархов.

Церковная история, к сожалению, знает случаи отступления богословско-иерархического разума перед народными религиозными эмоциями.

Вот пример, когда сами иерархи не смогли взять дистанцию от народных суверий: в начале IV века Эльвирский собор своим 34-м правилом запретил зажигать днем свечи на кладбище — «чтобы не беспокоить души святых»¹.

Вот пример борьбы, которую иерархи проиграли народному чувству:

В 419 г. Карфагенский собор определил: «Постановлено и сие: повсюду на полях и вертоградах поставленные якобы в память мучеников алтари, при которых не оказывается положенным никакого тела или частей мощей мученических, да разрушатся, аще возможно, местными епископами. Аще же не допустят до сего народные смятения, по крайней мере да будет вразумляем народ, чтобы не собирался в оных местах, и чтобы здравомыслящие к таковым местам не привязывались никаким суеверием. И память мучеников совсем да не совершается, разве аще где-либо есть или тело, или некая часть мощей, или, по сказанию от верной древности преданному, их жилище или стяжание или место страдания. А алтари, где бы то ни было поставленные, по сновидениям и суетным откровениям некоторых людей, да будут всемерно отвергаемы» (правило 94).

Забота отцов собора ясна: она состоит в том, чтобы «облако свидетелей» не скрыло за собой в народном почитании Солнце Правды — то есть почитание Самого Христа Спасителя. Увы, и сегодня мне нередко приходится бывать в домах благочестивых православных прихожан (и даже молодых священников!), где в святом углу стоит множество икон святых, но нет ни одной иконы Христа. Спаситель в таких «иконостасах» представлен только в младенческом виде — на иконах Богоматери (или в маленьких складнях, где Он написан так, что явно теряется в окружении гораздо больших образов Своих учеников). Да и сны сегодня нередко считаются вполне достойным поводом для предпринятия неких церковных действий.

О том, что отношения иерархии и народа были всегда чреватые напряжением и конфликтами, свидетельствует то, что в 344 г. Сардикийский собор был вынужден решать странный вопрос: как поступать с епископом, если он будет изгнан народом «за свои познания»: «Аще который епископ

¹Crouzel H. Origen. Sibiu, 1999. P. 79.

неправедно будет за свои познания обвинению подвержен, придет в иной град... того с особенным дружелюбием должно приимати» (правило 17). «За познания» — то есть за ревностное изучение божественных догматов — толкует это правило Вальсамон¹. Вот и в России епископы были изгнаны — кто в эмиграцию, кто в лагеря...

Но когда отдельные люди или массы людей оказываются без благодатного просвещения, без церковной науки, без постоянного наставления в слове Божиим и в предании отцов, они также создают рукотворно-самодельные мифологемы. Вовремя распознать их и не дать им подчинить себе человека или тем более других церковных и околоцерковных людей — это одно из назначений богословия. По слову Владимира Лосского, «здесь более, чем где-либо, Предание действует критически, обнаруживая прежде всего свой негативный и исключаящий аспект: оно отбрасывает "негодные и бабьи басни" (1 Тим. 4, 7), благочестиво принимаемые всеми теми, чей традиционализм состоит в принятии с неограниченным доверием всего того, что втирается в жизнь Церкви и остается в ней в силу привычки. И в наши дни в литературе синаксариюв и лимонариюв можно найти такие примеры, не говоря уже о невероятных случаях в области литургики, которые однако, для некоторых суть предания, т. е. святы»².

¹См.: Лебедев А. П. . Духовенство древней Вселенской Церкви от времен апостольских до X века. СПб., 1997. С. 266.

²Лосский В. Н. . Предание и предания // Лосский В. Н. По образу и подобию. М., 1995. С. 142. Подробнее эта же мысль о необходимости различать православное вероучение от фольклорного псевдохристианского язычества проводится в статье С. С. Аверинцева «Христианская мифология» (Мифы народов мира. Энциклопедия. М., т. 2. 1988). К сожалению, в церковной среде эта статья известна в основном благодаря недобросовестной критике ее в статье протоиерея Сергея Антиминсова (К вопросу о «христианской мифологии» // «Москва». М., 1993, № 10). Если Аверинцев с самого начала подчеркивает, что он противопоставляет христианскую доктрину и миф, который складывается в народном творчестве вокруг церковного учения, то его критик в порыве любообличительной страсти не замечает этого фундаментального противопоставления аверинцевской статьи: «Название статьи говорит уже о многом. "Христианская мифология" — как мог писатель-христианин поставить эти два слова рядом? Неужели для него христианство — это миф?» (с. 189). В итоге оказывается, что для протоиерея Сергея Антиминсова нормой православности предстает вера в существование кентавров (с. 190): усомниться в существовании сих персонажей — раз уж они присутствуют на страницах некоторых вариантов жития прп. Павла Фивейского — значит прослыть модернистом и еретиком. А я скажу иначе: если принимать существование кентавров как реально-животных существ (а не как аллегорий), — то придется признать лживость пророчества Библии. Ведь пророк Исаия предсказал, что по захвате Вавилона персами "онокентаври тамо вселятся, и ежеве и змии" (Ис. 13, 22). Русский текст благоразумно говорит о шакалах, которые действительно рыщут по холмам бывшего Вавилона, но наблюдал ли кто-либо там кентавров?

Иерархическая дисциплина и дисциплина богословская были разработаны Церковью для того, чтобы не дать возможность шальным визионерам, пророкам и чудотворцам выкрасть у людей жемчужину Евангелия.

Церкви довольно рано пришлось научиться говорить «нет» некоторым энтузиастам.

Один из первых аскетических опытов в церковной истории — это отказ от апокрифов и формирование канона Писания, происшедшее в сознательной борьбе с гностиками (и канон определялся не плебисцитом, а решением архиерейских соборов).

Вторая аскетическая скрепа, изготовленная в лаборатории церковной мысли, — это формулирование идеи апостольского преемства, также позволившей отличать апокрифы и ереси от подлинного апостольского предания.

Позднее Церковь разработала свой догматический и канонический строй для того, чтобы постараться не допустить насыщения апостольских текстов неапостольским пониманием, для того, чтобы не дать превратить христианство в игрушку сиюминутных страстей, надежд и разочарований. И с тех пор на все века церковная дисциплина (включая дисциплину догматически воспитанного богословствующего ума) призвана защищать крупницы духовных знаний от самоуверенного невежества.

Там, где этой дисциплины нет, «простецы» создают паракхристианский или даже прямо языческий фольклор, а интеллигенция — утопии (старообрядческие, экуменические, обновленческие, теургические, оккультные...). Протоиерей Георгий Флоровский об этой недисциплинированности религиозного ума писал так: «Изъян и слабость древнерусского духовного развития состоит отчасти в недостаточности аскетического закала (и совсем уже не в чрезмерности аскетизма), в недостаточной "одухотворенности" души, в чрезмерной "душевности", или "поэтичности", в духовной неформленности душевной стихии. Если угодно, в стихийности... Но есть путь от стихийной безвольности к волевой ответственности, от кружения помыслов и страстей к аскезе и собранности духа, от "психического" к "пневматическому". И этот путь трудный и долгий»¹. А то, что тяжело, то непопулярно. И зачем же читать Писание и богословские труды, если можно довериться бабушке?! Что нам академии, если есть приходские пересуды о том, «что говорят старцы»!

¹ Георгий Флоровский, *прот.* Пути русского богословия. Париж, 1983. С. 3-4.

Еще в XVIII веке свт. Димитрий Ростовский предостерегал: «Церковь же непорочная, сущи невеста Христова, должна никаких же баснословных умствований и самовымышленных толкований приимати, но на самом Писании Божественном утверждатися, и толкования истиннаго великих вселенныя учителей, а не простых баюющих мужиков слушати»¹.

Поэтому церковная проповедь должна не только пробуждать религиозный энтузиазм, но и нередко — сдерживать его, осаживать.

На сегодня мы с этой задачей не справились. Самым опасным и распространенным типом псевдоправославного оккультизма стала массовая современная апокрифическая литература, содержащая были и небылицы о современных старцах, старицах, блаженных, откровениях и пророчествах.

Сколько хлопот доставляла древней Церкви псевдопророческая литература, приписывавшая уважаемым именам идеи или слишком человеческие, или слишком языческие, или даже просто бредовые. Сколько нужно было сил, трезвости, настойчивости, чтобы отстоять собственно апостольскую традицию и отсеять лжеименные — псевдонимные сказания. Приносил некий собиратель апостольских слов в общину «Евангелие от Петра». И говорил: «Ну что вы читаете только Евангелие от Марка?! Марк записывал со слов Петра, а здесь слово самого первоверховного Апостола!» И кем же в его глазах становился тот, кто смел критически отзываться о принесенной рукописи? Еретиком, рационалистом, безбожником, противником Божия Промысла и личным недругом апостола Петра... Можно было найти тысячу вполне благочестивых поводов для того, чтобы принять апокриф. И нужно было изрядное упрямство и готовность идти против модного оккультно-гностического благочестия, чтобы отстоять собственно апостольское учение от очень похожих на него подделок.

По верному наблюдению Фаррара, «полный простор господствует в гностицизме, в нем нет никакой мучительной заботливости о том, чтобы отрешиться от язычества»². Вот и сегодня во многих модных текстах заметно отсутствие трезвости, равно как и отсутствие воли проверять свои верования мерилom евангельским и святоотеческим. Как и в первые века христианства, неудержимо множится круг апокрифов. Приписываются они, правда, уже не апостолам, а святым и подвижникам благочестия более близких к нам времен³. Но, в отличие от времени свт. Иринея Лионского, как-то не заметно церковной решимости сопротивляться им. Не секты, а вполне православные

¹ Димитрий, митр. Ростовский и Ярославский . О кресте. М., 1855. С. 26.

² Фаррар Ф. Первые дни христианства. СПб., 1892. С. 710.

издательства выпускают, и православные храмы продают книжки и газеты, содержащие в себе чудовищные вымыслы, прямой маги́зм и просто непристойные нападки на саму же Церковь.

Стало возможным появление книг, отмечающих церковное учение с помощью таинственных ссылок на анонимных «старцев». Очень это сейчас модно: вместо строгого обоснования своих утверждений действовать по принципу «одна баба сказала». Например: «Одна монахиня, приехавшая с Греции, рассказала, что на Западе уже все готово для принятия лжемессии»¹. Эта «монахиня» — она что, член оргкомитета по подготовке прихода антихриста, если может столь авторитетно и категорически заявлять: «Вся программа выполнена, все намеченное к визиту уже готово»?

Или: «По свидетельству св. отцов, завершающий историю Страшный суд по земным меркам будет длиться недолго, сколько шестопсалмие на утрене»². Но какие это отцы? Нельзя ли конкретнее: кто именно? В советские времена студенты бойко рапортовали на экзаменах по «диамату»: «Карлмаркс-Фридрихэнгельс писал...» А сегодня в церковной среде сплошь и рядом слышишь: «Отцы учат...», «Святые отцы рекоша...». Уточняющих ссылок обычно не приводится. Слыша такие тотальные формулы, лучше сбить спесь с самозваного «патролога» серией вопросов на тему: «А теперь конкретно: имена! пароли! явки!» Кто сказал? В какой книге? Кому? В какой ситуации? И не сказали ли отцы по этому вопросу еще и нечто другое?

Недоверчивым оком христианин должен взирать не только на то, что преподносится ему из внецерковного мира. К сожалению, и внутри церковной ограды велика вероятность того, что вместо хлеба получишь камень. Не всякая церковная газета, брошюра, книга несет в себе учение Церкви. Не всякая проповедь, сказанная с амвона, православна. Не всякая история, рассказанная прихожанами, верна. Именно многообразие церковной жизни

³ Один из них — апокрифическое «Видение праведного Иоанна Кронштадтского», который якобы еще в 1907 г. предвидел все подробности грядущих гонений. Об апокрифичности этого текста, опубликованного в «Жизни вечной» (№№ 36-37, 1997), говорит, например, такая деталь: «И мы пошли дальше. Смотрю: идет масса людей, страшно измученных, на лбу у каждого по звезде. Они увидели нас и закричали: "Помолитесь за нас, святые отцы, нам очень тяжело... Мы не получили печати дара Духа Святого, нас звездили". Действительно, в 20-х годах вместо крестин комсомольцы людей «звездили» и «октябрили». Но предполагать, будто это советское новоязовское словечко было известно о. Иоанну в 1907 г., все же некорректно.

¹ Антихрист: материализация мистики в измерение времени. Заметки по поводу... Житомир, 1996. С. 14.

² Ильинская А. Матушки земли Российской. М., 1994. С. 145.

делает столь настоятельным вопрос: где же Церковь высказывает именно свое учение?

Если же вы сегодня увидите, как кто-то упрощенно отвечает на этот вопрос и начинает размахивать фразой «народ — хранитель Православия», будьте осторожны: это очередной «демократ-реформатор». Он себя и своих друзей отождествил с «церковным народом» и на этом основании чувствует себя «вселенским судьей».

Когда газеты типа «Русского вестника» и «Руси православной» твердят: «Мы требуем созыва поместного собора! Нельзя доверять архиерейскому собору!», надо иметь в виду, что это требование неканонично. Поместные соборы — это либеральная придумка XX века. Ни история Византийской империи, ни история Русской Церкви до 1917 года поместных соборов не знала. Собор церковный, вселенский собор — это всегда собор архиереев. Архиереи уполномочены говорить от имени своей поместной Церкви. Они могут пригласить на свое собрание монаха, богослова, эксперта, но голосуют и принимают решение архиереи — это их крест и их ответственность.

Да, были в России земские соборы. Но это были соборы не церковные, а церковно-государственные, общенациональные. Духовенство на земских соборах было представлено как сословие. Сегодня же в нашем обществе нет сословий, и потому нет оснований для созыва земского собора.

Наконец, третий признак человека, уже готового встать в ряды «православных протестантов», — это боевой клич «молчанием предается Бог!» Например: «Мы не можем и не имеем права молчать, ибо молчанием, по слову святителя Григория Богослова, предается Бог»¹.

Обычно эту фразу цитируют, обосновывая свое право на критику нестроений в церковной жизни. «Православие погибает! Епископы предали Православие! И если мы смолчим — произойдет то, от чего предостерегал св. Григорий Богослов: молчанием предается Бог!» Свое право на выгладывание и на оглашение грехов иерархии, свое право на самозваную цензуру многие православные публицисты и сплетники обосновывают этой цитатой. И напрасно.

¹Владими́ро-Суздальская епархия против ИНН. Открытое обращение к Президенту Российской Федерации Путину В. В. // Русский вестник. 2001, №7.

В творениях св. Григория Богослова действительно есть выражение «молчанием предается Бог» (Слово 21, похвальное, Афанасию Великому)². Но считать эти слова выражением позиции самого св. Григория все же затруднительно.

Не питая ни малейшей симпатии ко всем оттенкам арианства, св. Григорий, однако, видит, что борьба с ересью порой причиняет душевный вред и самим же православным — ибо вызывает в них слишком разрушительные эмоции и понуждает их прибегать к слишком несправедливым методам борьбы и полемики: «Непосвященные стали судьями преподобных, произошло новое смешение — в собраниях народных рассматриваются предметы священно-таинственные; от сего незаконное исследование жизни (епископов), наемные доносчики и суд по договору; одни несправедливо свергаются с престолов, другие возводятся на их место, и у сих как чего-то необходимого требуют рукописания нечестия, и чернила готовы, и доносчик подле»². И вот в контексте полемики с ультраправославными и произносит св. Григорий ставшую знаменитой фразу: «Настоящее сие потрясение ничем не лучше прежде бывших, потому что им отторгнуты от нас все любомудрые, боголюбивые и заранее сожительствующие с горними мужи, которые хотя во всем другом мирны и умеренны, однако же не могут перенести с кротостью, когда молчанием предается Бог, и даже делаются весьма браннолюбивыми и неодолимыми (ибо таков жар ревности), и готовы скорее ниспровергнуть чего не должно, нежели пренебречь должное».

Итак, те, кто говорят, что «молчанием предается Бог», — отторгнуты от общения со св. Григорием собственным «браннолюбием»... В другом месте подобные люди св. Григорием именуются как «некоторые из числа чрез меру у нас православных» (Слово 3)³.

Защищая Православие (или то, что тебе кажется таковым), легко изувечить свою собственную душу — возомнить себя спасителем Православия, избранным пророком Божиим, посланным для вразумления «обезумевших» церковных управителей. Итог такой полемики очевиден: конец мира (эсхата) в одной, отдельно взятой душе полемиста. Не об этом ли осаживающие слова свт. Игнатия Брянчанинова: «Не покусись своею немощною рукою остановить всеобщее отступление»⁴? Какие плоды пожнет человек, организую-

² Св. Григорий Богослов. Творения. Т. 1. Троице-Сергиева Лавра, 1994. С. 319.

² Св. Григорий Богослов. Творения. Т. 1. Троице-Сергиева Лавра, 1994. С. 318.

³ Там же. С. 36.

⁴ Избранные изречения святых иноков и повести из жизни их, собранные епископом Игнатием (Брянчаниновым). СПб., 1891. С. 512.

щий в Японии пикеты против цунами? Недобрую славу чудака и собственное раздражение по поводу всех остальных людей, которые не готовы терять время на пикеты вместе с ним, да еще глухую ненависть к правительству и к природе, которые не хотят к нему прислушиваться...

А слежка за епископами — не лучшее средство к достижению «стяжания Духа Святаго». И те, кто оправдывают свою диссидентскую похоть лозунгом «молчанием предается Бог», прежде всего показывают, что святоотеческие творения читают они поверхностно и невнимательно, — приписывая отцам умонастроения, от которых те как раз отстранялись. Впрочем, скажу словами преподобного старца Иоанна. Его спросили: «Если я нахожу что-нибудь полезным для некоторых: должен ли я сказать это, не будучи спрошен о сем? И если брат, которого это касается, старше меня или клирик: сказать мне или промолчать? Отцы сказали, что хорошо говорить Бога ради, хорошо и молчать Бога ради»¹.

У этих людей, которые «не могут молчать» (а значит, стали орудием страсти), свое, альтернативное богословие², альтернативные святыньки, ико-

¹ Преподобных отцов Варсонуфия Великого и Иоанна руководство к духовной жизни в ответах на вопрошения учеников. СПб., 1905. С. 210.

² Некий иеромонах Корнилий в книжке «Тайное становится явным» (издана в Москве и якобы по благословию епископа Задонского Никона) в азарте борьбы против налоговых номеров пишет, будто «2000 год — год взятия Богом удерживающего от Церкви... Визуально происшедшие изменения выражаются в том, что с самого начала 2000 года небо как будто стало выше. Это отмечают многие. Взгляните на облачное небо днем и звездное небо ночью, и вы согласитесь с этим. А духовно — Господь отнял Свою удерживающую десницу от Церкви... Нам известны 4 причины, из-за которых таинства могут не совершаться: а) священник рукоположен после 1 января 2000 года, когда Спаситель взял от среды удерживающего в Церкви; б) священник или владыка воспринял дух жидовства; в) священник или владыка подпадает под определение Божией Матери как ИННизатор, соблазвивший хотя бы одного православного христианина уверением, что ИНН можно принимать; г) священник рукоположен владыкой, о котором шла речь в предыдущем пункте, после определения Божией Матери» (им. Корнилий. Тайное становится явным (Несколько слов о тайне беззакония), кн. 3. М., 2003. С. 9, 19, 28-29). А вот авторам аналогичного направления газеты под названием «На страже Православия» Христос и Его Второе пришествие вообще не нужны. Их кругозор ограничен чаянием восстановления монархии в России: «В этом вера и в этом надежда, Что Россия воспрянет как встарь, В ослепительных царских одеждах К русским людям идет Государь». Эти стихи Ларисы Кудряшовой посвящены монахиням монастыря, бежавшим от своего архиерея из Воронежской епархии. На первой полосе этого же издания — статья под названием «О деятельном участии народа в жизни церковной...» (На страже Православия. Ноябрь, 2003, № 1). На чудесное воскресение Царской Семьи и вознесение ее на Небеса намекает и иером. Корнилий, говоря об этом как «о безусловной великой тайне» (цит. соч. С. 42). В общем, все, что в традиционном церковном богословии говорилось о Христе, у нынешних реформаторов переносится на «Царя-Искупителя» (с. 56) Николая Александровича.

ны и святые (Пелагея Рязанская, Иван Грозный, Григорий Распутин...). Их издания нетрудно отличить — вместо иерархического благословения, благословения Патриарха на них стоит рекламный лэйбл — «По благословению старцев»¹.

Если преодолеть иллюзию, будто протестанты всегда «босолицы», и представить себе их с нестриженными бородами, — то станет заметно сходство психологических типов.

В изданной этими кругами брошюре, призванной доказать, будто «принятие ИНН равнозначно отречению от Христа»², есть глава «Основные критерии истины». Ее первая, исходная фраза: «Правда Божия в оценке и решении каких-либо затруднительных вопросов проявляется через церковное правило: vox populi — vox Dei (глас народа — глас Божий). И если решения Священного Синода, даже поместного Собора встречают неодобрение народа и противоречат Священному Преданию, то значит, эти решения ошибочны и не имеют никакой силы для церковной полноты»³.

Интересно — и какой же это собор принял такое «правило»? Где, в каком церковном источнике авторы сей брошюры его вычитали (да еще и с орфографической ошибкой)? Не меньше поражает и решимость этой группы говорить от имени всего «церковного народа». Что вообще эта «группа товарищей» имеет в виду под «Священным Преданием» (предыдущая глава в той же брошюре названа «Проблема персональной кодификации и Священное Предание», но не содержит в себе ни одной библейской или святоотеческой цитаты)?⁴

¹ «В Церкви, построенной по иерархическому принципу, нет и не может быть никаких независимых от священноначалия структур и объединений. И если вы читаете на первой полосе газеты, что это "независимый орган православной общественности", то знайте, что это нецерковное, а следовательно, и неправославное издание» (*Патриарх Алексий*. Войдите в радость Господа своего. Размышления о вере, человеке и современном мире. М., 2004. С. 68).

² [Без автора.] Бог не в силе, а в правде. Православие и проблемы глобализации. М., 2003. С. 32.

³ Там же. С. 25.

⁴ Вершиной лукавства в этой книге является миф о том, что Русская Православная Церковь разошлась в оценке ИНН с Церковью Элладской. «Речь идет о конфронтации с Элладской Церковью» (с. 26), что тем более страшно, так как «апостольское Православие хранимо до сих пор Ахайей-Элладой» (с. 15), которая по отношению к нам оказывается «апостольской матерью-Церковью в Элладе» (с. 28), и потому надо «признать совершенную священноначалием Русской Церкви ошибку и присоединиться к точке зрения Элладской Церкви» (с. 30). Лукавство в том, что 1) Элладская Церковь никогда ни в одном своем официальном документе не протестовала против индивидуальных налоговых номеров (в Греции это АФМ, и они используются еще с 60-х годов). 2) Никакой «конфронтации» у нашей Церкви с Церковью Эллады нет

Константин Душенов, издатель реформаторского листка «Русь православная», присоединяется к «группе товарищей», в себе услышавших «глас Божий»: «В конце концов, спор по поводу митрополита Никодима уже, в значительной мере, решен народом Божиим, высшим Судией или, говоря светским языком, общественным мнением»¹.

У «народных реформаторов» уже сложилась внутренняя готовность к бунту. Естественно, эта внутренняя установка выявляет себя по мельчайшему поводу. Например, не встал тобольский архиепископ Дмитрий в ряды пикетчиков, требовавших запрета концерта Бориса Моисеева (открытого гомосексуалиста), — и тут же делается глобальный вывод: «Наряду с открытыми врагами России священноначалие Московской Патриархии тоже противится национальному и духовному возрождению русского народа. Вот и в Тюмени церковная власть не захотела взять под свой омофор стояние православных против растления молодежи. В угоду местным властям правящий архиерей — архиепископ Тобольский и Тюменский Дмитрий (Капалин) — в очередной раз промолчал, спрятавшись в своей резиденции, а по его примеру и местное духовенство сделало вид, что ничего не замечает. Казалось бы, они должны сами возглавить протест, объединиться с теми членами Церкви, которые защищают свою веру и опаленное огнем и горем Отечество. Ан, нет! Они промолчали. Но это молчание из того разряда, "которым, — по слову святых отцов, — предается Бог"! И ведь если бы Тюменский архиерей был единственный! Но ведь таких как он, похоже, большинство. Вся церковная верхушка преклонила выю перед этой жидовской властью и рабски ей угождает... На примере Тюмени явственно видно, как паства и церковноначалие оказались здесь по разную сторону баррикад, и в случае с содомитом Моисеевым, и в случае религиозной экспансии иноверцев. Увы, это становится характерной картиной в нашей Церкви. Решая насущные проблемы современной церковной жизни, православной общественности сначала приходится "победить" собственное священноначалие, напомнить нашим пастырям об их святых обязанностях сохранять чистоту веры, отстаи-

и в помине. 3) После отпадения Рима в католичество «вторым Римом» стал именно Константинополь, а не «Ахайя». 4) Матерью-Церковью по отношению к Русской Церкви является Константинопольский Патриархат, а не Элладская Церковь (получившая статус автокефальной Церкви лишь в конце XIX века после продолжительного раскола с Константинопольским Патриархатом).

¹Про президента Путина, митрополита Никодима и общественный акцент. Интервью с Константином Душеновым // Пределы века. Еженедельная общественная православная газета. № 6 (6), М., 2000.

вать права и интересы православного народа, — и только потом уже воевать с чиновниками светскими»¹.

Когда-то такая волна мирянского активизма уже разрушила церковную жизнь: именно активность братств способствовала уходу украинского епископата в унию. Да, у нас обычно говорят, что братства Православие спасли. Но реальная их роль в становлении унии была сложнее.

Для ее уяснения надо держать в уме время и место действия. Время — XVI век. Век Реформации. Место действия — Польша. Та Польша, которая едва не сорвалась сама в протестантство. Реформация и католическая Контрреформация разворачивались на глазах польской окраины («Украины»).

Львов (тогдашнее его имя — Лемберг) был типичным европейским городом, а львовское братство — типичным бюргерским союзом (это то, о чем у нас часто забывают: братства — это не проявление духа так называемой соборности; они создавались по образцу западноевропейских бюргерских городских объединений).

И, как это свойственно бюргерским союзам XVI века, братства не избежали искушения переформировать Церковь. Например, Луцкое братство явно склонялось к протестантским акцентам на «всеобщее священство мирян»: «Несть духовный ни людин, но вси есмы едино во Христе Иисусе»². Глава же Львовского братства князь Острожский писал, что нужна реформа церковной жизни, включая «таинства и другие человеческие изобретения» («поправить некоторых речей в церквах наших, а звлаща около сакраменту и иных вымыслов людских»)³. Исследователи же характеризуют взгляды князя Острожского как экуменические (у Острожского даже был свой проект унии)⁴.

¹ Валентина Сологуб . Союз извращенцев и иноверцев, или Кто нами правит? // Русь православная. 2004, май. <http://www.rusprav.ru/2004/new/14.htm>.

² Постановление об общежительстве в братстве Луцком. Цит. по: Дмитриев М. В. Между Римом и Царьградом. Генезис Брестской церковной унии 1595-1596 годов. М., 2003.

³ Послание Ипатю Потею от 21 июня 1593 г. Цит. по: Дмитриев М. В. Между Римом и Царьградом. Генезис Брестской церковной унии 1595—1596 годов. М., 2003. Перевод: 400 лет Брестской церковной унии 1596—1996. Критическая переоценка. М., 1998. С. 42. Примечательно, что митрополитом Макарием это послание цитируется с купюрой — «нужны также исправления некоторых вещей в церквах наших, особенно касательно людских вымыслов» (митр. Макарий (Булгаков) . История Русской Церкви. Кн. 5. М., 1996. С. 299).

⁴ В том же послании Ипатю Потею Острожский говорит, что «соединение Церквей всего было бы желательнее (цит. по: митр. Макарий (Булгаков) . История Русской Церкви. Кн. 5. М., 1996. С. 298).

Контакты братчиков с протестантами известны. Но важны не столько действительные протестантские симпатии и планы братчиков, сколько то, как они воспринимались епископатом. А с этой точки зрения братчики казались протестантствующими¹. Себя же братчики считали полномочными толкователями канонов. Интересно, что если церковная власть на Западе не разрешала мирянам читать Библию, то в Западной Руси Виленский собор 1509 года запретил мирянам чтение Кормчей книги — то есть сборника канонических правил².

Безобразий в церковной жизни было много. Братчики считали, что если они возьмут контроль над церковной жизнью, то она улучшится.

Вот описание тех событий известнейшим украинским историком (причем настроенным антикатолически):

«Братчики следили за чтением и жизнью своих членов, делали им указания... Когда братчики предложили этот новый устав на утверждение антиохийскому патриарху Иоакиму, патриарх, насмотревшись перед тем на беспорядки в украинской Церкви, был чрезвычайно обрадован таким высоким настроением. Он не только одобрил их намерения, но снабдил различными поручениями и правами, дотоле неслыханными: братчики должны были следить также и за духовенством, доносить о замеченных беспорядках епископу, а если бы епископ противился и не поступал по закону, — то и ему они не должны повиноваться, как врагу правды: Патриарх постановил также, чтобы все прочие братства повиновались Успенскому Львовскому. Это были чрезвычайно широкие права, коренным образом изменявшие все церковные порядки, и пожалованы они были братству без нужды и неосмотрительно, т. к. неизбежно должны были повлечь за собой недоразумения и столкновения с духовенством. Но так поступил не только Иоаким³, а и константинопольский патриарх Иеремия, приехавший два года спустя (1588) и утвердивший эти распоряжения...⁴ Чрезвычайно широкие права по

¹ Соответствующие свидетельства приведены в: *Дмитриев М. В. Между Римом и Царьградом. Генезис Брестской церковной унии 1595-1596 годов.* М., 2003. С. 100-101.

² См.: *митр. Макарий (Булгаков). История Русской Церкви.* Кн. 5. М., 1996. С. 169.

³ «Грамота была подготовлена самими горожанами, а Иоаким лишь скрепил ее своей печатью, не ставя, однако, подписи. Вряд ли он мог самостоятельно прочесть утвержденную грамоту, так как не владел славянскими языками. Это обстоятельство порождает сомнения в том, насколько свободным было решение патриарха» (*Дмитриев М. В. Между Римом и Царьградом. Генезис Брестской церковной унии 1595–1596 годов.* М., 2003. С. 94).

⁴ Кстати, сам патриарх Иеремия не был чужд экуменическо-униональных симпатий. В 1575 году он приветствовал создание Греческого коллегия в Риме и даже направил туда на обучение двух своих племянников (*Дмитриев М. В. Между Римом и Царьградом. Генезис Брестской*

отношению к духовенству и епископам, сообщенные Львовскому братству патриархами¹, были весьма опасным и ненужным подарком, так как вовлекали братство в совсем лишнюю борьбу с духовенством и много повлияли на то, что православные епископы начали искать себе защиты у католической иерархии. Как только Львовские братчики, исполняя поручение патриарха Иоакима, взялись заводить порядки среди местного духовенства, сейчас же вышла у них из-за этого ссора с владыкой Балабаном — ссора совершенно ненужная! Гедеон Балабан был довольно образованный владыка, с добрыми намерениями, и до сих пор поддерживал просветительные стремления братства, но не мог стерпеть, когда эти "простые хлопы" начали вмешиваться и указывать ему, что должно быть и чего не должно быть. Гедеон не покорился, проклял Львовское братство² и начал чинить ему всяческие неприятности. А когда патриарх Иеремия, приехав на Украину самолично и разобрав дело на месте, стал еще более решительно на сторону братства и освободил его из-под власти епископа, то владыка Гедеон был этим так огорчен, что обратился к своему недавнему врагу, архиепископу Львовскому, и просил, чтобы тот освободил украинских владык из-под власти патриархов. Так Гедеон стал из всех украинских владык "чиноначальником отступления от патриархов". Это был очень горький плод необдуманных патриарших распоряжений. Но не только в этом случае оказалась несчастливой рука патриархов в их вмешательствах в дела украинской Церкви. Патриархи не разбирались в здешних отношениях и не знали их; но когда к ним обращались в разных вопросах, они распоряжались очень решительно³. Иеремия поступал резко, необдуманно, не очень разбираясь в делах; распекал владык, угрожал запрещением, проклятиями. После выезда опять посылал разные распоряжения, менял и переменял, ставил своих наблюдателей (экзархов) над епископами и снова устранял, и не всегда можно было разобрать, кого слушать, так как появи-

церковной унии 1595-1596 годов. М., 2003. С. 271).

¹Грамота патриарха Иоакима давала «моц сему Братству церковному обличати противныя закону Христову и всякое безчиние от церкви отлучати». Епископ должен отказывать в благословении тем, кого братство отлучит от церкви». Епископ лишался права суда над провинившимися братчиками. «Аще же епископ сопротивится закону, истинне, и не по правилом святых отец строяще церков, подкрепляюще руки беззаконником, — такому епископу сопротивится всем, як врагу истинны» (Дмитриев М. В. Между Римом и Царьградом. Генезис Брестской церковной унии 1595–1596 годов. М., 2003. С. 94-95).

²Гедеон именовал братчиков «лютерами» (Дмитриев М. В. Между Римом и Царьградом. Генезис Брестской церковной унии 1595–1596 годов. М., 2003. С. 102).

³Современные историки предполагают обратное: патриарх просто оставлял братчикам чистые листы со своими печатями или подписями, а те вписывали в эти листы угодные им постановления.

лась бездна разных греческих пройдох, выманивавших деньги, называясь архиепископами, патриаршими послами и пр.»¹.

В общем, в глазах епископов — свидетелей Реформации в Германии и Польше — братства выглядели протестантским мирянским движением бюргеров². У восточных патриархов западнорусские епископы не нашли защиты от местного протестантизма (точно так же и в XX веке константинопольский патриарх поддержал русских обновленцев). И тогда без давления польских властей, вопреки желанию католического епископата они приняли унию. Странно звучит? Но и в самом деле польского короля Сигизмунда III тогда не было в стране, а без его согласия не могли созываться церковные соборы. Так что и униональный Брестский собор король не признавал еще целый год. Что же касается католического епископата, то ему было ненавистно все православное, и потому католические прелаты хотели не унии (которая все же позволяла сохранить внешний распорядок православной жизни), а всецелого ополячивания и окатоличивания...

Потом, после собора, братства и в самом деле стали защитниками Православия. Но до него их роль в появлении унии была куда сложнее...

Главный урок из тех событий: и братства бывают не правы.

На наших глазах снова складывается полуподпольное мирянское движение. Впрочем, в сегодняшней церковной ситуации есть изрядная и объективная новизна.

С одной стороны, никогда в истории Церкви не было такого числа знающих, грамотных, образованных людей. История еще не знала такого общества, которое сложилось в XX веке, — общества всеобщей грамотности.

С другой стороны, чрезвычайно дешево стоит распространять информацию и потреблять ее, то есть купить книгу или даже издать ее сегодня отнюдь не затруднительно. Книга, в том числе и церковная, никогда не стоила так дешево, как сегодня (томики Ленина, напечатанные в советский период, не в счет).

¹ Грушевский М. Иллюстрированная история Украины. Киев, 1997. С. 229-234.

² «Недаром благочестивый воевода новгородский Скумин, услышав об уклонении епископа Гедеона в унию, сказал, что в этом, без сомнения, виноват и сам патриарх Иеремия, который своими непрестанными грамотами за Львовское братство против Гедеона довел его до того, что он должен был броситься в такое отщепенство» (митр. Макарий (Булгаков). История Русской Церкви. Кн. 5. М., 1996. С. 368).

С третьей стороны, никогда не было в Церкви такой свободы слова. Сегодня в Церкви отсутствует цензура: и внешняя (общецерковная), и внутренняя.

Как работала цензура «внешняя» (внешняя по отношению к распространителю некоей книжки), рассказывается в книге Ирины Грицевской «Индексы истинных книг». Оказывается, житие Василия Нового с мытарствами Феодоры на Руси XVI-XVII веков относили к апокрифам: «А Василии же новый и Андрей Уродивы и Мефодий Патрский и странник подobaет о сих вещаго и ведущаго вопрошати, аще истинна есть». Именно в «Житии Василия Нового» содержится описание видений, подробно повествующих о посмертных мытарствах. В XIX веке цензор профессор Московской Духовной Академии П. С. Казанский боролся с подобными текстами: «Чаще издаются повести, полные самых странных чудес, одним словом, духовные романы о мытарствах, жития Андрея Юродивого¹, Иоанна Новгородского и т. п. Все эти сочинения представляются большей частью безграмотными. Сколько приходилось исправлять или останавливать книжек, направленных к распространению суеверных понятий в народе. Сколько раз ко мне приносили житие Киприана и Иустины, домогаясь пропуска. Совесть не позволяла, хотя из Четьи-Минеи выбрали. Ругатели духовной цензуры знают ли эту неустанную службу цензуры духовному образованию народа?»² Свт. Филарет Московский также предупреждал, что «видения, имеющие свою истину, не всегда удобно обращать в общие догматы. Вы догматствуете о мытарствах, а потом приводите изложение посмертных состояний из св. Макария, который ни слова не говорит о мытарствах. Отсюда родятся затруднительные вопросы»³.

¹В житии юродивого Андрея Константинопольского, написанном в X веке, «любопытен ряд пророчеств о грядущей судьбе империи, окрашенных чисто народными упованиями на лучшее время, на своего рода "золотой век" перед последним концом» (Рудаков А. П. Очерки византийской культуры поданным греческой агиографии. СПб., 1997. С. 219).

²Переписка проф. МДА П. С. Казанского с А. Н. Бахметовой. Письмо от 8 февраля 1868 г. // У Троицы в Академии. 1814-1915. М, 1914. С. 525. Кстати, в Преображенском соборе Дивеевского монастыря летом 2003 года висела новописанная икона св. Киприана и Иустинии откровенно апокрифического содержания. Подпись на этой иконе представляла собой заклинание, а не молитву: «Кто делал или мыслил — верни его дела и мысли назад в ад».

³Письма московского митрополита Филарета к покойному архиепископу тверскому Алексию. 1843-1867. М, 1883. С. 62. Ср. слова иеромонаха Серафима (Роуза): «Даже младенцу ясно, что нельзя буквально воспринимать описания мытарств, хотя сами описания — отнюдь не "вымысел" и не "басни", а честный рассказ очевидцев в наиболее доступной для них форме. Если кому-то мерещатся буквальные мытарства, то лишь по незнанию причин той повседневной незримой борьбы, которую мы претерпеваем в мире сем. Здесь нас тоже постоянно ожидают

Сегодня же именно эти «духовные романы» (дополненные уже прямыми «интервью» с бесами) заполнили церковные лотки.

И это потому, что нет еще и внутренней цензуры. Нет цензуры традиции, цензуры вкуса. Традиция — это вкус, то есть предрассудки. Предрассудки в самом буквальном смысле слова: то, что «перед рассудком», что впитано человеком прежде, чем начал работать его личный критический рассудок. Современные церковные люди — это поколение, о котором можно сказать словами Андрея Вознесенского: «расформированное поколение, мы в одиночку к истине бредем». Внутренняя цензура — это церковная традиция, впитанная человеком с молоком матери или полученная в ходе нормального, очного богословского образования.

Нет внутренней цензуры вкуса, нет цензуры официальной, но еще и нет цензуры образовательной. Сегодня среди издателей церковных книг или редакторов газет трудно найти человека хотя бы с семинарским образованием, не говоря уже о духовно-академическом. Поскольку большинство издателей и редакторов — неофиты, это означает, что маловат у них и личный опыт роста в Православной Церкви. В итоге — от имени Церкви тиражируются «попса» и дурь. Тут уж не приходится удивляться, что к церковным прилавкам находят свой путь настоящие монстры — книги, содержащие самые дикие суеверия. Для примера: «Одному из моих друзей, никак не хотевшему расставаться с привычными страстями, старец сказал, что ему не удастся в этой жизни отмолить свои грехи, но по милости Божией ему предстоит родиться бычком. Бычок в смирении проживает свой год-два, жуя то, что дают и идя туда, куда ведут, пока не зарежут и тем самым не освободят к лучшей жизни. Приятель этот рано умер... Вообще, блаженный утверждал, что почти вся домашняя скотина, за исключением собак — люди. Лошадью отрабатывает грехи тот, кто мало трудился, коровы тоже люди, а волком становится тот, кто мучил людей»¹. Увы, эта книга издана в православном монастыре, а не в бурятском дацане...

соблазны и обвинители, да только дремлет наше духовное око, и мы видим лишь результат бесовских козней — грехи, которые совершаем, и страсти, которым поддаемся. После смерти же душа прозревает, видит духовную действительность (обычно впервые) и тех, кто беспрестанно докучал нам при жизни» (цит. по: иером. Дамаскин (Христенсен). Не от мира сего. Жизнь и учение иеромонаха Серафима (Роуза) Платинского. М., 1995. С. 830). Прп. Никодим Святогорец: «Те, кто пустословил, что души умерших праведников и грешников сорок дней обретаются на земле и посещают те места, где они жили», сеют предрассудки и мифы. Ибо такие утверждения «невероятны и никто не должен принимать их за истину» (цит. по: Василиадис Н. Таинство смерти. Троице-Сергиева Лавра, 1998. С. 397).

¹ Агафон, иером. Повесть об Иоанне, затворнике Старо-Шаговском. Иваново, 1994. С. 20.

А на серафимовских торжествах 2003 года в Дивеево паломникам раздавали листовку следующего содержания:

«Свидетельства старца Самуила — Боговидца нашего времени. Пророку Ездру было велено Господом писать книги 40 дней. Взять с собой пять человек, которые быстро и красиво пишут, пойти в поле и писать. И написано было всего 94 книги. Из них 24 книги по повелению Божию Ездра бросил в народ, пускай все читают, достойные и недостойные, а 70 книг передал из народа мудрым. Этими книгами заканчивается странствие земной твари и самой земной природы, переход в нетление. Апостол Иоанн, написавший "Откровение", хотел уже пустить в народ эти 70 книг, но Господь рабу Своему запретил голосом с Неба: "Скрой и не пиши сего! Ибо сокрыты и запечатаны слова сии до последнего времени". Но вот пришел час раскрыть эти книги и читать их. И вот тайна: первые 24 книги, которые даны народу, чтобы читали, т. е. знали их, — это 12 пророков и 12 апостолов. Старый и Новый Завет — Библия. А 70 книг передали, как бы с народа, мудрым. Это будут и уже есть вблизи пришествия Христова 70 избранников Божиих в честь семидесяти апостолов, которых Господь избрал и послал на проповедь во время Его земной жизни. Вот вам тайна открыта. Ездра написал их, — т. е. наименовал книгами. А они — люди, через которых Дух Святой передает миру неизреченную премудрость Божию. Этим современным апостолам дано больше ведения о Боге, несмотря на то что с теми вращался Христос. Господь возвестит избранникам Своим те тайны, которые до сих пор были сокрыты от земнородных. А теперь угодно Богу, да знают и люди то загробное, что знали до сих пор только Ангелы. И все эти 70-ть суть не только мужчины, но и женщины, и именуются они этим именем — Апостолы-Боговидцы. Одной из этих 70-ти книг был д. Самуил¹. Но он говорил: "Я самый старший возрастом среди этих 70-ти. Это живые книги-люди, и самый большой дар мне дан. Нести его очень тяжело". Д. Самуил жил в Сумской обл., Тростянецком районе. В 50-х гг. д. Самуил получил дар Боговидения, после чего стал браться в Царствие Небесное и ад, видеть блаженства рая и муки ада. Отслужит в Земной церкви, а потом ему показывают, где мучились и как их выводили из ада, куда поместили эти души после причащения в Белградской церкви. Про ад он пишет: "Эти муки я видел многократно потому, что забирал благодатиею Божией из ада всех тех людей, которых повелел оттуда забрать и отвести в рай Сам Господь Иисус Христос". Господь милостив ко всем грешникам. И самоубийц милует, и не крещенных. Но, конечно, много зависит от земного ходатая. Господь через Самуила выводил и само-

¹Я сначала не мог понять, что означает «д. Самуил». Оказывается, «дедушка».

убийц, и иноверцев. Иисус Христос говорил д. Самуилу: "Когда служить обедню, оплачивай служебные просфоры и бери по 5 маленьких просфор. Тогда кровь с 5-и ран Моих вопиет к Отцу Небесному и Он прощает грешников." В небесную горницу дедушки Самуила (так называли хатку, где он жил, Ангелы) приходили и Иисус Христос, и Пресвятая Богородица, многие святые, Архангелы и Ангелы. Особенно много молился он о матерях, сделавших аборт. Он видел мучения абортных детей в аду, видел, как после покаяния их матерей деток из ада забирают Ангелы, а после службы в Земной церкви в Небесной церкви в присутствии Матери Божией Архангелы их крестят, нарицают имена, причащают и отводят на 3-е Небо. После его смерти /он отошел ко Господу 11.03.85 г./ остались дневники и письма его духовным чадам, из которых мы можем получить истинные знания о загробном мире. На исповеди нужно сказать священнику, что делала аборт и предохранялась. Сколько делала — говорить не надо. Так сказала Матерь Божия. Потому что сколько абортных скажет мать-убийца, столько Сатана и отдаст детей ее из ада ее Ангелу-Хранителю. А может быть, там больше чад безымянных. Ведь аборт один, а душ погублено может 2 или 3. При абортах мать-убийцу из Книги Жизни вычеркивают. После покаяния в абортах опять записывают. Как мама записала свое имя на обедню /или отец/, ее /его/ Ангел-Хранитель летит в ад и забирает деток, и отводит их на 1-е Небо. Там их передевают из адской одежды в райскую и кормят. И там они будут ожидать до того дня, когда на Земле за них будет служиться обедня. И тогда Ангел Хранитель несет деток в большую Белградскую церковь, которая находится на границе рая и ада. В ней непрестанно служат Архангелы в присутствии Матери Божией. Если мать не крещенная, то детей из ада забирает Сама Матерь Божия. Если им больше 7-и лет, то они уже мучились, а до 7-и лет они, хотя еще и не мучаются, но томятся, ожидая мучения. Через эту Небесную церковь проходят все души, которые мучились в аду: и взрослые люди, и абортные. Все-все, кого вымолит Земная церковь, все заводятся в эту Белградскую церковь, и кто крещен, тех только причащают и отводят в рай, а абортных крестят и нарицают имена, потом причащают. Примечание: Обедни за абортных детей служат не все церкви. Самой известной из них является макарьевская церковь г. Киева».

Ну где же современные этнографы? Неужели не понятно, что именно в таких местах, как Дивеево, куда стекаются народные паломники со всей страны, и надо исследовать народные верования? И к сожалению надо сказать, что эти бредовые листовки паломники уносили, а не выбрасывали...

Теневое сознание вышло на свет. Замечательно: теперь тень стала виднее, ее пристальнее можно разглядеть, а потому можно с ней дискутировать по дневным правилам — открыто.

Чем опасно отсутствие внутренней и внешней цензуры в эпоху грамотности и издательской дешевизны?

Если человек вообще неграмотен, живет своим огородиком, своей семьей, обычным приходским распорядком, то с него любая идеология сходит как с гуся вода. Он недоступен глубинному воздействию модных идеологем (ср. «пролы» в романе Оруэлла «1984»).

Человек по-настоящему образованный тоже недоступен идеологической обработке: он знает, что надо десять раз проверить, прежде чем поверить какой-то сплетне.

А вот человек полуграмотный — он научился читать на свою голову, но не научился брать дистанцию от прочитанного. Он охотно верит листовкам и газеткам. А значит, он становится управляемым. Его легко превратить в часть толпы, чего-то требующей и против чего-то протестующей (что требовать и когда протестовать — укажут листовки). Именно это является новым феноменом нашей церковной жизни.

В результате та теневая фольклорная культура, которая всегда была в Церкви, начала выплескиваться наружу. Всегда, во все времена алтарники сплетничали про попов, но только сегодня начали издавать свои газеты (типа «Русь православная», «Сербский крест», «Русский вестник» и т. п.). Всегда бабушки пугали друг друга рассказами про «сглазы» и «колдунов». Но только сегодня про это начали писать книжки. Всегда «калики перехожие» разносили по свету весть о его завтрашнем конце и уверяли, что они точно знают, что где-то на чужой стороне уже родился антихрист и скоро пожалует к нам. Но лишь сегодня их рассказы записываются на диктофоны, а потом публикуются в книжках типа «ИНН — печать антихриста» да озвучиваются по радио голосом Жанны Бичевской.

Впрочем, уже и из уст приходских священников можно услышать проповеди о том, что архиереи — такой церковный тормоз, который не позволяет народному благочестию прославить народных святых (под коими опять же понимаются Иван Грозный и Григорий Распутин). При встрече с такими декларациями соглашаешься: да, батюшка в данном случае совершенно прав. Архиереи — это тормоз. Только слово тормоз — хорошее слово. Надо тормозить, не торопиться, потому что иногда, когда все сползает в какую-то

пропасть, имеет смысл притормозить — чтобы не захлебнуться в этом вполне большевистском и протестантском пафосе. Мол, мы — народ, мы сейчас всей колхозной массой поднимемся на борьбу, всех одолеем, хотя темные силы с панагиями нас злобно гнетут... Это все тот же приступ обновленчества.

У этих людей уже сформировалась диссидентская привычка бунтовать. Когда я говорю о них, я отчасти говорю и про себя самого. Потому что я легко мог бы оказаться в их рядах — вся инерция моего нецерковного воспитания меня туда толкает. Интеллекту трудно быть вместе с властью. Для него неестественно власть поддерживать. Он себя очень уютно чувствует в диссидентском подполье, особенно если оно более или менее безопасное: ты им фигу показал и спрятался, а на самом деле тебя никто и не преследует. То есть психологически я понимаю, почему эти люди там, но все-таки надо хоть чуть-чуть церковно взростеть и церковно меняться.

Но их листовки и газеты, проповеди и шепотки капля за каплей учат не доверять церковной иерархии: «большинство из нынешних архиереев бесконечно далеки от всякой истинно-духовной жизни. Но Бог не без милости. Придет время, и Господь Сам укажет нам такового. И когда сие произойдет, то лжепастыри-клоуны в страхе будут сами бросать свои рясы и побегут из России. Зыбко наше положение — положение гонимых "маргиналов" и "экстремистов" в родной Церкви. А они, облеченные чинами и золотыми ризами, твердо стоят на ногах. За ними — закон, официальное признание, земное основание, права, поклонение теплохладной паствы, непрерывная копеечка, гарантии, дружба с сильными мира сего! Так мы и маемся — по виду вместе, по духу — давно врозь! Враги Православия — вовсе не "заблудшие" — сознательно выбрали свой путь, и он не совпадает с нашим. В нынешних условиях мы просто не имеем права ждать пробуждения их совести, страха Божия — это преступление перед Богом и Отечеством! Они к покаянию неспособны. Как же к ним относиться? Со святою ненавистью и кроткой беспощадностью!»¹.

Особенно отчетливо реформаторский потенциал заметен у ревнителей прославления Ивана Грозного.

Дискуссия об отношении к Ивану Грозному касается самых глубин церковной этики. Это вопрос о том, есть ли ограничения в средствах у

¹Священник Владимир Христовый. Те, которые остановят зло... // Русь православная. 2004, май. <http://www.rusprav.ru/2004/new/9.htm>.

церковного человека, преследующего цель, которая ему представляется предельно (беспредельно) благой.

У религиозного человека есть риск сорваться в большевизм. Большевизм был обречен на террор. Самое дурное в его практике было следствием самого высокого в его проповеди. Слишком уж велика была поставленная цель — счастье всего человечества на все будущие века. Эта цель абсолютна в сознании ее служителя. Но абсолют именно потому и абсолют, что ни с чем не соотносим. В сиянии абсолюта растворяются все «частности» «великого пути». Все средства слишком малы для столь великой цели, и потому ни одно из них не может быть однозначно плохо. Это Император Николай II мог задуматься: а стоит ли ради сохранения своей власти или власти династии проливать кровь сотен людей? А Ленину над такими вопросами даже смешно было бы размышлять: по сравнению с безмерным счастьем миллионов, прыгнувших-таки «из царства необходимости в царство свободы», что значит жизнь нескольких тысяч, сломавших свои шеи в этом всемирно-историческом прыжке?! «Наша цель — оправдать наши средства».

Что-то похожее искушает и иного церковнослужителя: благо Церкви — это абсолют, и ради него, кажется, можно... Можно смолчать, можно поддакнуть, можно подписать, можно подтвердить, можно приговорить... В христианстве есть противовес этим искушениям: Евангелие, молитва к Распятому за нас, традиция ежедневного покаянного труда. Но это все так легко забывается в суете нужных, еще более нужных, совсем неотложных дел...

Василий Розанов, юродивый русской философии¹, задался как-то вопросом: «Каким образом христианство, столь к человеку благожелательное, однако пришло к инквизиции?»

Ведь перелома из "да" в "нет", перелома в убеждениях, в вере, в идеалах мы при этом нигде не наблюдаем! В этом-то все и дело, что разлома нет! Нельзя сказать, исторически не было, что 1000 лет "гладили по голове", но потом "начали жечь". Ничего подобного! Никакого перелома, реформации, бури: тихое веяние. Веет, веет, гладит волосы, сладко, съедобно, веет, опять веет, горечь, опять сладко, еще слаще, веет, веет, чей-то раздался стон, но все замерло, веет, веет, выпали гвоздики, выпали иголки, кого-то укололи, смертельно, веет, веет, хорошо ли, дурно ли, все мешается, все непонятно уже, веет, веет. Инквизиция вошла в Церковь "дифференциалами"... Никто не заметил ее! Когда те 5-6 кардиналов, которые постановили "сжечь" и дей-

¹ «Еретичествуя умом, Розанов в сердце никогда не расставался с Православной Церковью» (Карташев А. Вселенские соборы. М., 1994. С. 293).

ствительно "сожгли" кого-то, то никому решительно не пришло на ум спросить, не "впали ли они в ересь?", "не отделиться ли нам от них?.."»¹.

Правду ведь сказал. А с нами не случилось ли и не случится ли так же, или того хуже?

И если в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви» вопрос о цели и средствах ясен, то все же нельзя столь же оптимистично сказать о том, что творится в умах всей многомиллионной Церкви. По выражению священника Владимира Зелинского, границы церковного почитания государственной власти еще с византийских времен остаются без должного надзора. И далее о. Владимир продолжает: «Всякая власть развращает. Абсолютная же власть вызывает трепет мистический... Сегодня власти, которая вызывает трепет, как бы нет. Но уже из одного предвкушения ее выплывает фигура сакрального хозяина, большого любителя "морали от держиморды", благосклонного к "чадцам", недругов же властным рыком удерживающего... Хозяина пока не видно, но нимб ему уже готов. И поскольку нимбу все же неуютно висеть в пустоте, воскрылия трепетов относят его на века назад, примеривая к венценосному челу садиста и бабника — словно бы не положено вере обходиться без обожания, ужаса и грозы. Конечно, если считать по трупам, Грозному до Сталина далеко — не та эпоха; но вот по части лжи он, пожалуй, поядовитей будет: генсек все-таки и постов не соблюдал, и поклонов не бил, и орден пыталыщиков и убийц не выдавал за монашеский»².

Те, кто сегодня восхваляют Ивана Грозного, себя прочат в опричники. Они не умеют любить и — им нужен «святой образец» для оправдания их ненависти. Неужели в этом — традиция Православия? Нет. Реформатором, через колено ломавшим Россию, был Иван Грозный. Модернистами являются его нынешние почитатели.

Они ни во что не ставят голос Патриарха (который ясно высказал свою оценку их притязаний). Столь же решительно отменяется ими голос церковного, литургического предания.

Литургическое предание выразило себя в службе святителю Филиппу Московскому, в частности в июньской службе, где в каноне на утрени содержится вполне ясная характеристика того человека, чье вмешательство в судьбу святителя Филиппа было столь трагическим. Этот человек не называется

¹Розанов В. Религия и культура. М., 1990. Т. 1. С. 276.

²Зелинский В. Долг единства, призвание к свободе // Континент. Париж, 2003, № 117. С. 234.

по имени, но ведь понятно, о ком идет речь и кто там называется «новым фараоном» и «новым Иродом».

Конечно, с точки зрения академического богословия можно сказать, что не всегда голос литургических текстов фактографически достоверен. Можно было бы на эту тему устроить дискуссию. Но чтобы ее развернуть, чтобы заглушить голос литургического предания, нужно столько эшелонов аргументов пригнать! Подлаживать литургию под свои политические «вкусы» нельзя. Иначе это будет откровеннейший модернизм. Я не хочу быть модернистом, поэтому я лучше поверю голосу литургического предания.

Есть еще голос церковной агиографии: в житии св. Филиппа ясно говорится о роли царя в его смерти. Но опричные модернисты прямо говорят о том, что житие св. Филиппа содержит «ложь»¹. Для модернистов чудеса (которые, как им кажется, совершают написанные ими же «иконы» тех персонажей, в святости которых они уверены) важнее, чем праведно-назидательная жизнь самого этого персонажа. Поэтому они считают неверным «представление о том, что каждое житие должно быть назидательным для православного человека. Это не совсем так. То или иное житие может быть назидательным, а может быть и только констатацией каких-то известных фактов. По крайней мере назидательность не критерий святости»². Понятно: какая уж назидательность в Иване Грозном...

Есть еще голос церковной истории. Мы верим в то, что история — это пространство диалога Бога и людей, в то, что церковная история и русская история — это часть священной истории, продолжение библейской истории. И поэтому голос исторического предания для нас очень значим. Так вот, когда царь Алексей Михайлович пожелал перенести мощи св. Филиппа в Москву, патриарх Никон отвез на Соловки царскую грамоту — «молю тебя, разреши согрешение прадеда нашего царя Иоанна, совершенное против тебя завистию и несдержанною яростию». Это значит, что в церковном сознании XVII века в конфликте св. Филиппа и Ивана Грозного виновной стороной считался царь.

И наконец, для меня как человека, который не является специалистом по русской средневековой истории, значим голос ведущего церковного специалиста по этому периоду — архимандрита Макария (Веретенникова). Человек всю свою жизнь занимается XVI веком — веком Ивана Грозного. Он монах, архимандрит. Его статьи об Иване Грозном в «Журнале Московский

¹ Шатохин С. А. Провоцируют церковные расколы // Русский вестник. 2003, № 9.

² Троицкий П. Канонизация с «черного хода» // Русский вестник. 2003, № 7.

Патриархии» и газете «Радонеж» говорят о тех фактах в жизни грозного царя, которые не оставляют шансов на его прославление в лике праведников... Вновь говорю — для того чтобы оспорить выводы ведущего специалиста, церковного человека, всю жизнь посвятившего изучению этой тематики, нужно иметь очень много серьезных аргументов, а не отбрехиваться по принципу «ах, это ж иностранцы сказали, а они всегда врут». Несомненно, в том мифе об Иване Грозном, который сложился в европейской историографии, есть много лжи. Но и нельзя думать, что раз иностранцы солгали в одном, значит, и все остальные их сообщения — ложь. Это тоже некорректно.

Ну, а столь впечатляющее наших реформаторов изображение Иоанна Васильевича в нимбе просто выдает меру их незнакомства с русской историей. Ведь нимб в иератической живописи — это не только знак личной святости, но и знак святости того служения, которое нес изображенный человек. Далеко не все люди, чьи изображения сопровождаются нимбами, прославлены Церковью. С нимбом изображали себя на монетах своей чеканки и св. князь Владимир, и не прославленный Церковью князь Ярослав Владимирович, и анафематствованный Церковью Святополк Окаянный (убийца своих братьев — свв. Бориса и Глеба)¹.

Именно модернисты, иные из которых открыто мечтают об «опричной революции», и видят в Грозном «посвященного эзотерика»:

«Грозный был еще и тончайшим православным эзотериком. Иоанн IV утверждает благой, в целом, характер смерти. Одна из главных задач инквизиции заключалась в том, чтобы провести грешника через некий ритуал духовного созерцания, обусловленного умерщвлением плоти. Долгие страдания постепенно делают человека невосприимчивым к физическим ощущениям, к запросам собственного тела. Разум, свободный теперь от телесных мучений, неожиданно открывает для себя новые функции, ранее ему неизвестные. Таким образом, наступает стадия просветления Разума, когда он, освободившись от материального тела, начинает свободно впитывать в себя божественные энергии высших сфер. Все это чрезвычайно легко накладывается и на опричный террор, который несомненно представлял собой одну из форм православной инквизиции. Иоанн Грозный и его верные опричники отлично осознавали свою страшную, но великую миссию — они спасали Русь от изменников, а самих изменников от вечных мук. А вот еще одна цитата — из

¹Фотографии монет и их описание см.: *Петрухин В. Я.* Христианство на Руси во второй половине X — первой половине XI вв. // *Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы на пороге второго тысячелетия.* М., 2002. С. 104–107.

текста, написанного иностранцем Шлихтингом, очевидцем многих тогдашних событий: "Однажды пришел к тирану некий старец, по имени Борис Титов, и застал тирана сидящим за столом... Тот вошел и приветствует тирана; он также дружески отвечает на приветствие, говоря: 'Здравствуй, о премного верный раб. За твою верность я отплачу тебе неким даром. Ну, подойди поближе и сядь со мной'. Упомянутый Титов подошел поближе к тирану, который велит ему наклонить голову вниз, схватив ножик, который носил, взял несчастного старика за ухо и отрезал его. Тот тяжело вздыхает и подавляя боль, воздает благодарность тирану... Тиран ответил: 'С благодарным настроением прими этот дар, каков бы он ни был. Впоследствии я дам тебе больший' ". Под этим большим даром имелась в виду смерть, смерть от руки Царя, избавляющего от загробных мучений»¹. «Святой преподобный Корнилий, игумен Псково-Печерского монастыря, дерзал называть в монастырской летописи Помазанника Божьего — Царя Иоанна Васильевича Грозного "антихристом"... Казнив игумена Корнилия, Государь Иоанн Грозный спас его для жизни вечной, не допустил полного падения его в прелесть»².

А ведь это логично: кто не может зажигать людей радостью своей веры, в конце концов будет сжигать тех, кто поводы к своей радости нашел на стороне. Такие люди живут жаждой Опричной реформации.

Если вы хотите понять, в чем кошмар «русского бунта, бессмысленного и беспощадного», послушайте новейшие песни Жанны Бичевской. Это была удивительная певица в 80-е годы. Городские романсы, потом народные песни, казачьи, песни иеромонаха Романа до середины 90-х годов она исполняла вдохновенно и талантливо.

А затем она стала петь стихи своего мужа. «...И не будет зоны, лагерей и тюрем, все враги России будут казнены. Мы врага настигнем по его же следу и порвем на клочья, Господа хваля...» Слушаешь такое и задаешь лишь два вопроса. Первый — где здесь поэзия? Второй — где тут христианская совесть?

Погубило же то, что она всерьез мнит себя пророчицей, учит всех и вся. На церковном языке это называется словом «прелесть»: человек слишком серьезно начинает относиться к себе самому, слишком доверяет своим откровениям, интуиции, впечатлениям и мнениям. Она выступает в новом жанре — концертов-проповедей, когда музыка — нечто десятичное, а глав-

¹Елисеев А. Опричная Царя // Царский опричник. № 20. <http://www.nationalism.org/bratstvo/oprichnik/20/eliseev.htm>.

²Хвалин А. От умолчания — к искажению. http://www.rusk.ru/news/02/10/new05_10b.htm.

ное — сказать свое слово, жестко обличая всех и вся, хоть президента, хоть патриарха.

«Тут же прозвучало "Россия будет вновь свободной, и мир падет к ее ногам!" Затем еще конкретнее: "Русские плюют на власть Америк и Европ!" И после этой фразы Жанна в приступе священного гнева прокричала: "Чтоб они сдохли все!"»¹. Гнев Бичевской направлен не только на «Запад», но и на церковную иерархию, отказывающуюся перенести титул «Искупителя» с Христа на царя Николая II.

Впрочем, вот подробнее это ее интервью:

«— Вы считаете, что в России еще что-то можно спасти?»

— Физическая смерть должна дойти до конца. Как в Писании сказано: "Аще не умрет, не оживет". Умереть должна Россия физически. Враги будут потирать руки, но из-за России начнется Третья мировая война, начнется дележка. Война будет между Китаем, Европой и Америкой. А Россия будет вне войны. Война будет несколько часов всего, но весь Запад будет обескровлен, инфраструктура вся будет нарушена. И вот под это дело выйдет Антихрист и вроде бы прекратит войну, даст всем мир, у него и ящики с товарами под землей приготовлены, но за это люди будут должны брать на себя карточки с его знаками. Антихрист будет говорить, что карточку можно потерять, поэтому знаки нужно переносить на тело — на чело и на правую руку, чтобы человек не мог перекреститься.

— Вы действительно ощущаете себя пророком?»

— Абсолютно. Я очень грешный человек. Вот смотрите, я узнала, что там яма: "Не ходи туда, ты провалишься! Там яма. Она хорошо завуалирована, но если ты пойдешь туда, то провалишься". Я уже подошла к яме, и святые сказали мне: "Туда нельзя ходить!" Я должна предупредить человека? Или я должна ждать, что он подойдет к этой яме, провалится и не вылезет. Какая же я христианка после этого? Потому и сказано: "Знайτε дела Антихристовы и говорите о всем щедро", чтобы люди прозревали. Последние времена будут, когда к власти придут красные — коммунисты, потом будет война с Китаем, а там конец. Китай избран мечом Божиим. Но дальше Урала царская Голгофа их не пустит. Будет огромное переселение народов. Все побегут спасаться в Россию. Это будет огромная империя на два года и восемь месяцев, потом Суд Божий, и все. После ядерной войны будет страшное

¹ Марголис М. Концерт-проповедь — новый жанр Жанны Бичевской // Московские новости. 2002, декабрь, № 49.

время: ядерная зима, солнца не будет. Потом будет адская жара, океаны будут кипеть.

— Значит ли это, что Жанну Бичевскую в Эстонию тоже Господь послал пророчествовать?

— Наверное, Господь меня сюда прислал. Я служу Богу и царю. Я себе-то не принадлежу. Ад уже полон! И не только мирскими — монахами и священниками, даже архиереями полон ад!»¹

Позиция Бичевской ясна: и Патриарх, мол, не то делает, и попы меня не понимают. А я вот, пророчица, спасаю Россию и Церковь вопреки пассивности духовенства.

По сути, Бичевская уже в секте. Она сама дала ей имя — «царская православная церковь»². Там вместо Христа «Царь-Искупитель», газетно истолкованный Апокалипсис и кругом враги, которых она мечтает «порвать на клочья, Господа хваля».

Ну, в самом деле, не в Московской же Патриархии ей быть, если она питает свою душу мутными пророчествами некоей «блаженной Пелагии Рязанской»³. Вот пример Пелагииных советов: «Скажи мне, а что, если убить колдуна?!» Она сразу мне ответила: «За колдуна — золотой венец от Господа!» Причем кандидата на убийство можно определить самому по такому, например, критерию: «Если кто-то сам ворожит или приколдовывает, то сам же первым делом и будет непременно отрицать существование магии и колдовства. И это — первый признак!»⁴ О том бреде, который новоявленная секта «пелагиан» тиражирует по стране (теперь и через Бичевскую), мне приходилось писать в книге «Оккультизм в Православии» (М., 1998). Церковное отношение к Бичевской было выражено в резолюции Рождественских чтений 2003 года: «В последние годы ряд изданий, объявляющих себя борцами за Православие, в том числе... радиопрограмма Жанны Бичевской "От сердца к сердцу", осуществляют пропагандистские кампании, которые, несомненно, способны привести к расколу в Церкви. Не предлагая читателям никакого положительного, спасительного для души опыта церковной жизни, эти издания подтасовывают факты церковной истории, искажают

¹ Молодежь Эстонии (Таллин). 3 апреля 2000. <http://www.netinfo.ee/smi/show/?rid=15695&dd=2003-10-09&query=>.

² Бичевская Ж. Русь огромна и талантлива // Русский Север (Вологда) 28.09.2001.

³ Там же.

⁴ Воспоминания о Пелагии Рязанской // Жизнь вечная. № 36–37, 1997.

основы православной веры и в конечном итоге формируют сектантское сознание»¹.

Отчасти, я думаю, что это проблема ненайденного духовника или, точнее, неправильно найденного духовника. Не нашлось в ее жизни мудрого Гэндальфа, который сказал бы ей: «Многие из живущих заслуживают смерти, а многие из умерших — жизни. Ты можешь вернуть ее им? То-то же. Тогда не спеши осуждать и на смерть»².

Люди такого типа («самоцены» — ценящие себя) ищут чего-то необычного. Жанна Бичевская — необычный, талантливый человек, кстати, это тот человек, которого Булат Окуджава считал своим сценическим преемником. И ей казалось, что ее духовным советчиком тоже должен быть кто-то необычный.

Я помню, когда читал книгу Вересаева «Пушкин в жизни», где собраны воспоминания современников Пушкина, больше всего меня поразила в этой книге смерть поэта. Жуковский пишет, что когда все поняли, что это конец, он предложил Пушкину «исполнить долг христианина». Это речевой штамп, в XIX веке означавший предсмертную исповедь и причастие. К некоторому моему изумлению, пишет Жуковский, Пушкин с легкостью и радостью согласился. (Удивление было еще и потому, что умирающие люди часто не верят в то, что они умирают. Отсюда и их суеверие относительно соборования: если пособоруешься, то точно умрешь. До сих пор некоторые боятся собороваться. На деле же — «соборование по намереньям Церкви есть врачевательное таинство, возвращающее здравие, а не приготовление к смерти»³.)

Когда же Пушкин с радостью согласился, его спросили, за кем из батюшек послать, Пушкин ответил: это неважно, просто батюшку из соседнего храма. Он мог бы потребовать митрополита или святого. А он — первого попавшегося батюшку. Вот такое умение открыться простому приходскому священнику, не искать особо одаренных, особо гениальных — признак хорошей церковности человека. А у нас сегодня как? Даже грехи мои особые, нестандартные, поэтому и открыть я их могу только особо одаренному священнику. Вот встретится мне какой-нибудь суперюродивый, суперпрозорливый, ему я, так и быть, исповедуюсь, окажу честь. А обычному «отцу Василию» — ни в жисть!

¹Церковный вестник. М., 2003, № 3.

²Толкиен Дж. Р. Р. Властелин Колец. Ч. 1. Братство Кольца. СПб., 1992 С. 76.

³Феофан Затворник, свт. Собрание писем. Из неопубликованного. М., 2001. С. 296.

Мне кажется, что Бичевская тоже искала каких-то особых старцев. А кто ищет, тот найдет. И она, очевидно, нашла нечто такое «духовно-прозорливое» и самоуверенное со всеми вытекающими последствиями.

О ее авторском «богословии» верно сказал архиепископ Екатеринбургский Викентий: « — Владыка, в Екатеринбурге проходил концерт Жанны Бичевской. Он вызвал немало вопросов у прихожан. Как относиться к ее творчеству и к тому, что она говорит? — Да, к сожалению, у нее есть взгляды, которые не совсем соответствуют нашему пониманию о Церкви и священнослужителях, а также о спасении и искуплении грехов человеческого рода. Она не понимает этого, считает себя авторитетным богословом, богословские вопросы неправильно преподносит людям. А так, конечно, у нее есть хорошие песни о России и патриотизме. Талант у нее есть, и цель вроде хорошая. Это, конечно, очень хорошо. Но что касается церковных и богословских истин, то тут надо быть осторожнее. — Владыка, вновь было несколько звонков на тему прошедшего концерта Жанны Бичевской. Если в прошлый раз вопросы задавались о богословских заблуждениях этой певицы, сейчас они больше касаются поведения духовенства. Люди были смущены бурной реакцией нескольких священнослужителей во время концерта. Не лучше ли им было подойти к певице для вразумления после концерта? Имеет ли право священник так себя вести? Что делать этим людям, если они впали в грех осуждения тех священников? — Осуждать, в любом случае, нельзя. Да, священнослужители не выдержали и начали дискуссию во время концерта из ревности к славе Божией, но речь там шла об искажении догматических истин. Они хотели предостеречь людей, которые слушали эти слова, от неправильного понимания догматов Церкви. Священники, которые встали во время концерта и начали вести дискуссию, сделали это из уважения к народу. Они не хотели, чтобы кто-нибудь впал в какое-то заблуждение. Конечно, они могли бы начать эту дискуссию потом, в узком кругу, чтобы диспут был только с Жанной Бичевской. Тогда, конечно, было бы проще понять, какие истины искажает певица. Да, желательно было вести этот диспут в другой форме, но то, что произошло, произошло только из ревности к славе Божией, поэтому тут нельзя осуждать священнослужителей»¹.

Увы, нездоровость Жанны Бичевской востребована определенным процентом духовно нездоровых церковных людей, опричниками-реформаторами. Не стоит удивляться этому. Если вы приходите на исповедь в храм, то пер-

¹ Ответы архиепископа Викентия на вопросы читателей «Православной газеты» в телепрограмме «Архипастырь» 20 и 27 декабря 2003 года // ПРАВОСЛАВНАЯ ГАЗЕТА. Екатеринбург. 2004, № 2 (275) <http://ortho-dox.etel.ru/2004/02/27arxipast.shtml>.

вое, что вы слышите, — честные слова священника перед исповедью о тех, кто собрался вокруг него и о нем самом: «Пришел еси во лечебницу, да не неисцелен отыдеши». То есть Церковь сама себя считает больницей. Больницей, в которой лечатся не переломы рук, а переломы души. Давайте честно скажем, что церковная жизнь делается людьми зачастую весьма и весьма нездоровыми: болезнь одного, бывает, заражает других, реверберирует, отражается, переходит на других.

Еще один фирменный знак русской реформации — Григорий Распутин в нимбе.

Позиция Патриарха Алексия ясна: «У многих вызывает недоумение, что в некоторых храмах за церковным ящиком продаются книги о Григории Распутине, изображающие его как святого человека»¹. «Необходимо сказать еще об одном темном пятне нашей действительности. В последнее время появилось довольно много цветных, прекрасно изданных, с позволения сказать, "икон" царя Ивана Грозного, печально известного Григория Распутина и других темных исторических личностей. Им составляются молитвы, тропари, величания, акафисты и службы. Какая-то группа псевдоревнителей Православия и самодержавия пытается самочинно, "с черного хода" канонизировать тиранов и авантюристов, приучить маловерующих людей к их почитанию. Неизвестно, действуют ли эти люди осмысленно или несознательно. Если осмысленно, то это провокаторы и враги Церкви, которые пытаются скомпрометировать Церковь, подорвать ее моральный авторитет. Если признать святыми царя Ивана Грозного и Григория Распутина и быть последовательными и логичными, то надо деканонизировать митрополита Московского Филиппа, прп. Корнилия, игумена Псково-Печерского, и многих других умученных Иваном Грозным. Нельзя же вместе поклоняться убийцам и их жертвам. Это безумие. Кто из нормальных верующих захочет оставаться в Церкви, которая одинаково почитает убийц и мучеников, развратников и святых? Если же эти люди действуют не вполне осознанно, а подчиняясь своим эмоциям, своей жажде сильной власти, олицетворяемой Иваном Грозным, своему стремлению увидеть в России, наконец, порядок вместо того морального и криминального беспорядка, в котором мы все еще находимся, то им бы следовало понять одну элементарную истину, много раз доказанную всей человеческой историей. Несправедливость и зло невозможно победить, искоренить внешним насилием и другим злом. Жестокостью и насилием, которые сами по себе есть зло, но которые иногда используются для

¹Обращение Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II к клиру и приходским советам храмов г. Москвы на Епархиальном собрании 15 декабря 2000 года. М., 2001. С. 73.

достижения якобы добрых целей, можно на какое-то время ограничить проявления зла; страхом можно загнать зло в подполье, вглубь, но там оно будет продолжать расти и умножаться, будучи недоступным внешнему давлению. Корень зла не вовне, а внутри человеческой души, в отсутствии или искажении моральных ценностей, в греховной воле, в потемнении сознания. Победить зло, исправить жизнь можно только осознанным глубоким покаянием, изменением всего строя жизни, возвращением на путь добра и правды, то есть к Богу»¹.

Но сторонники распутинской святости ссылаются на благословения покойного отца Николая Гурьянова... Слухи о добром отношении к этим личностям старца Николая Гурьянова могут оказаться правдой. Но не надо путать свою жизненную ситуацию с ситуацией отца Николая. В жизни человека такого склада, как отец Николай, осталось лишь одно чувство — любовь. Ревнители же прославления Ивана Грозного живут ненавистью, жаждой мести и злобой оттого, что не у них власть в обществе и в Церкви.

Любовь же всему верит, по слову апостола Павла, и все истолковывает в лучшую сторону². Я по себе помню: лет 20 назад, когда я только приходил в Церковь, среди тех, кто встречал меня у церковного порога, были люди, от которых я впервые услышал о Царской семье как о мучениках, о Григории Распутине как об оклеветанном подвижнике. Знаете, я с радостью на это реагировал. Ведь сама установка советского юноши, уходящего из СССР и приходящего в Православие, такова — пропаганда все врет. И когда мне говорили: ты знаешь, на самом деле и вот об этих людях тоже советская пропаганда сказала неправду, — для меня было только радостью сразу же с этим согласиться. Для христианина одна из величайших радостей — узнать, что человек, о котором тебя приучили думать плохо, на самом деле другой, и иметь возможность сказать: «Слава Богу! Число истинных Христовых слуг в нашем мире было или есть больше, чем я думал». Конечно, это очень радостное ощущение. Нормальная реакция верующего сердца на такую весть может быть только радостной: «Вот здорово!»

¹Обращение Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II к клиру и приходским советам храмов г. Москвы на Епархиальном собрании 15 декабря 2001 года. М., 2002. С. 33-34.

²«Слышал я о некоем брате, что когда приходил он в келью к кому-нибудь и видел ее неприбранною, то говорил в себе: блажен сей брат, что отложил заботу обо всем земном и так весь свой ум устремил горе, что не находит времени и келлию свою привести в порядок. А если приходил к другому и видел келлию прибранною, то опять говорил в себе: как чиста душа сего брата, так и келлия его чиста» (*Авва Дорофей*. Душеполезные научения и послания. Троице-Сергиева Лавра. 1900. С. 180).

Это было на уровне эмоций. Но оказывается, для церковного человека недостаточно просто жить по велению своего сердца, по первой эмоциональной реакции. Даже такие добрые чувства надлежит проверять¹ и смотреть: насколько исторически и богословски обоснована дошедшая до тебя версия, к каким духовным и иным плодам поведет согласие с ней.

Так вот, у отца Николая Гурьянова, я думаю, была нормальная церковная установка на доверие и на принятие доброй информации о другом человеке. А вот возможности проверить эту информацию не было. Не было у него возможности рыться в архивах, расспрашивать историков, и поэтому получилось так, что он (и о возрасте нужно помнить) стал в этом смысле заложником людей, окружавших его и фильтровавших поступавшую к нему информацию.

То, что происходило вокруг о. Николая в последние годы его жизни, понуждает меня поставить такой вопрос. Подчеркиваю — это вопрос, а не утверждение.

Нам известно, какие бывают облики старения и угасания у людей обычной жизни, не преисполненных благодати. Мы знаем, что ум теряет быструю остроту и силу, бывает, что человек начинает жить в каком-то своем мире, будучи не в состоянии усваивать новую информацию, критически воспринимать приносимые к нему мнения окружающих его людей.

Отец Александр Ельчанинов сравнивал умирание с переводной картинкой. Сквозь плотную непрозрачную оберточную бумагу (тело) сама картинка (душа) еле видна. Картинку опускают в воду, а затем начинают отделять обложку. И вот в ту секунду, когда воздух попадает между обложкой и самой картинкой, — последняя становится или еще более тусклой, чем прежде, или совсем невидимой. Но картинка не исчезла: еще немного — и она станет такой красивой, какой мы ее еще не видели.

То, что в нашей обычной жизни такое потускнение бывает, это очевидно². Конечно, очень хочется, чтобы в Церкви все было иначе, чем в светской

¹ «Я не знаю другого падения монаху, кроме того, когда он верит своему сердцу» (*Авва Дорофей*. Поучение 5 // Душеполезные поучения и послания. Троице-Сергиева Лавра, 1900. С. 75); «мы должны всею силою направлять себя к воле Божией и не верить своему сердцу» (там же. С. 78); «будучи страстными, мы отнюдь не должны, веровать своему сердцу, ибо кривое правило и прямое кривит» (Поучение 19. Там же. С. 188).

² «Отец Петр Сасагава совсем ослабел и опустил церковь. Но как устранить такого почтенного священника от заведывания церковью? Сам же он не сознает вред для церкви от того обстоятельства, что уже давно обратился в труп и только забыли похоронить его» (запись от 30 июня 1903 г. // Дневники святого Николая Японского. Хоккайдо, 1994. С. 267).

жизни. И все же — может ли Господь попустить, чтобы нечто подобное произошло в жизни подвижника? Или же в жизни старца не может быть проявлений обычной человеческой старости? Ограждает ли Господь своих избранных от такого рода вещей? Я боюсь, что хотя бы временами отец Николай не миновал этого.

Начало и конец земной жизни схожи. В детстве человек зависим от своего окружения и ведом им. О детстве святых мы знаем хотя бы со слов прп. Варсонуфия Великого, что влияние детского окружения и юношеского образования может влиять на мнения святых и в последующие годы их жизни. Каждый человек — даже святой — остается человеком своего времени и несет в себе некоторые предрассудки своего века, иногда не замечая их расхождения с Евангелием. Поскольку и пока это расхождение не замечено — оно и не может вмениться во грех. Однако, поясняет собеседник Варсонуфия прп. Иоанн, если бы такие отцы помолились, чтобы Господь просветил их ум и по этим вопросам, — неточностей удалось бы избежать: «они не просили Бога, чтобы Он открыл им, истинно ли сие учение, и потому Бог оставил их при собственном их разумении»¹.

Но и о старости сказано: «егда же состареешися, ин тя пояшет и ведет» (Ин. 21, 16). Старый что малый... И в старости может прийти к человеку такое же состояние не всецелой свободы в своих реакциях и мнениях, такая же зависимость от того, какие люди тебя окружают.

Так что в вопросах исторических я предпочту верить историкам, а не затворникам.

Историки же, у которых есть возможность копаться в архивах и проверять, где ложь из одного лагеря, а где ложь из другого лагеря, в итоге вырабатывают более взвешенную позицию, но все равно не в пользу Григория Распутина. В пример могу привести священника, который очень много сделал для прославления царственных мучеников, — протоиерея Георгия Митрофанова из Санкт-Петербурга. Он лучший церковный специалист по русской истории начала XX века. Он член Синодальной комиссии по канонизации святых, и именно ему было поручено разобрать все аргументы против канонизации царственных мучеников. Работая в архивах, он шел шаг за шагом — Ленский расстрел, Кровавое воскресенье, Григорий Распутин — разбирая, что и как там было. Его выводы по этой теме достаточно определены. Да, мы можем понять, извинить и простить отношение Государя и

¹Преподобных отцев Варсонуфия Великого и Иоанна руководство к духовной жизни в ответах на вопрошения учеников. СПб., 1905. С. 387-388 и 385.

особенно Государыни к человеку, от которого зависела жизнь их сына. Но доброе отношение не стоит принимать за индульгенцию. Увы, есть слишком много свидетельств о мраке, который все-таки был в глубине этой личности.

Второй человек, который тоже немало способствовал канонизации царственной семьи, — протоиерей Александр Шаргунов — считает, что атака на Царскую семью с использованием имени Григория Распутина ведется уже второй раз. В первый раз это было при жизни царя, когда попробовали связать в единый узел Государя и Григория Распутина, и удар по Григорию Распутину был ударом по Государю. Второй раз их пробуют связать воедино сегодня. Отец Александр считает это продолжением старой провокации: связав воедино в общественном мнении Царскую семью и Григория Распутина, потом обратиться к реальным фактам из архивов, нанести удар по Григорию Распутину, но тем самым уже и по всей Церкви: «Видите, Церковь ни в чем не разбирается и всякого проходимца в лице святых прославляет». Чтобы не рисковать слишком многим, необходима осмотрительность. Естественно, эта осмотрительность не исключает дискуссии¹.

Наконец, я не могу забыть рассказ, поведанный мне в марте 1999 года в Стокгольме баронессой Людмилой Александровной Ляндезин-Трубецкой. В канун октябрьского переворота ее отец увез свою семью из опасного Петрограда на дачу — под Выборг. Поскольку затем эта территория отошла к Финляндии, они оказались в безопасности. Со временем постоянным гостем их дома стал Воейков — человек из ближнего Государева окружения. Подросшие барышни расспрашивали гостя о придворной жизни и, конечно, о Распутине. Воейков подтвердил, что Распутин обладал целебным даром и не раз спасал наследнику жизнь. Проблема была в том, что порой Распутин бывал настолько пьян, что его нельзя было везти во дворец, а помощь была необходимо срочно. Тогда к нему подтаскивали телефон, и Распутин, по телефону беседуя с Царевичем, останавливал кровотечение... Поскольку мне неизвестны православные святые, которые в пьяном виде творили бы чудеса, приходится признать, что Распутин к их числу не принадлежал. Мне кажется, что Распутин — это просто экстрасенс; Кашпировский начала XX века.

И если и впрямь мироточит его фотография или «икона», то меня это нимало не впечатляет. Мироточили даже языческие статуи. Мироточат иконы в жутчайшей секте под названием «Богородичный центр» (она же «Церковь Державной Божией Матери»). Поэтому само по себе крово-, сле-

¹Прот. Александр Шаргунов. Распутин: опасность разделения в Церкви. Выступление на радио Радонеж 21.01.03. <http://www.radrad.ru/new/radio/efir.asp?radioID=40>.

зо-, мироточение не является аргументом святости того или иного изображения, тем более персонажа.

Тот, кто мироточение образа считает высшим аргументом, не устоит перед лестью антихриста. Ведь и враг Христов в конце времен создаст чудотворный образ: «И дано ему было вложить дух в образ зверя, чтобы образ зверя и говорил и действовал так, чтобы убиваем был всякий, кто не будет поклоняться образу зверя» (Откр. 13,15).

Когда-то, еще будучи семинаристом, я услышал, что сатане Господь не попускает принимать облик Божией Матери, и потому все видения Богородицы истинны, а тот, кто эти видения созерцает, не может быть в прелести... Несколько месяцев этот тезис не давал мне покоя: сердце хотело ему верить, а разум сопротивлялся. Наконец, стало понятно, кто же запустил эту благочестивую «пулю» в Церковный обиход: товарищ Янкельман; он же гражданин Береславский; он же «епископ Иоанн» из «Катакомбной Церкви», в конце 80-х вместе с Якуниным возглавлявший клуб «Церковь и перестройка», а затем стяжавший известность как лидер «Богородичного центра» и «Церкви Божией Матери Преображающейся». С помощью этого благочестивого, но самодельного «предания» он хотел получить индульгенцию для тех оккультно-эротических откровений, которые он сам распространял от имени якобы являвшейся ему Богородицы.

Вот так же опасно строить свою веру на чудесах мироточения: мол, если где-то что-то мироточит, то там и есть правда¹.

При объяснении же почитания Распутина Царственными страстотерпцами не стоит забывать, что Царская семья — это типичная семья русских интеллигентов, со всеми комплексами русской интеллигенции. Среди этих комплексов — жажда простоты, народничанья, такой воспитанный поколениями в русской интеллигенции комплекс вины перед простым мужичком и соответственно жажда опроститься, припасть к лону народа. И тут это лоно явилось в виде Распутина. Особенно важно «опроститься» и слиться с «народушкой» было для Императрицы, немки, сознательная задача всей жизни которой — обрусеть, стать матерью для русского народа, к которому она

¹Еще один тезис опричных реформаторов — объявление царя Николая II «искупителем России». По-своему это понятный закон общественной психологии — из крайности в крайность бросаться. То «Николай кровавый», а то «искупитель всего русского народа» и чуть ли не человечества. Патриарх Алексий II очень жестко сказал на собрании московского духовенства, что если он увидит в каком-нибудь храме книги, в которых Николай II именуется Искупителем, то будет рассматривать настоятеля этого храма как проповедника ереси. У нас один Искупитель — Христос.

приехала. Эта сознательная установка породила очень много добрых вещей, но одно — распутинское — последствие оказалось печальным. Кроме того, не будем осуждать мать за то, что она так дорожила жизнью своего сына...

После вышесказанного, полагаю, не покажутся преувеличением слова Патриарха Алексия, сказанные им при посещении Санкт-Петербургского подворья Валаамского монастыря в сентябре 1998 года. Здесь Патриарх призвал духовенство и верующих «хранить единство Православной Церкви, потому что есть люди, которые пытаются посеять в умы еще не окрепших в вере людей сомнения в правильности действия священноначалия. Особенно заметно это стало в последнее время, когда видно желание некоторых сил разделить народ церковный, породить в Церкви раскол и тем самым ослабить ее. Есть и государственные деятели за рубежом, считающие Русскую Православную Церковь своим врагом и открыто заявляющие, что она препятствует дальнейшему расчленению России. Эти силы используют различные средства, в том числе оплачивают труд критически пишущих о Церкви и ее священноначалии»¹.

Полагаю, нет нужды доказывать, что в мире есть весьма влиятельные силы, не заинтересованные в возрождении сильной и самостоятельной России (например, вряд ли в этом заинтересованы транснациональные монополии).

Неумно было бы не предполагать, что в этих кругах есть люди, умеющие думать и просчитывать вперед. Вспомним, что Збигнев Бжезинский свою книгу о геополитике назвал «Большая шахматная доска». Это верно: в шахматах надо уметь думать за своего соперника, просчитывать и его возможные ходы, и его реакцию на твои действия.

Сегодня не секрет, что в западных элитах были и есть специалисты по истории и культуре России (достаточно вспомнить о госсекретаре США при Буше-младшем Кондолизе Райс).

А знакомство с историей России показывает, что в тяжелейших кризисах она оказывалась неоднократно. И все же — выходила. Причем из неко-

¹Посещение Патриархом Санкт-Петербурга // Воронеж Православный. № 9 (14), 1998. А также: «Все более очевидными становятся намерения организаторов этих пропагандистских кампаний — внести разделения в церковную среду. Противопоставить старчество — иерархии, белое духовенство — монашеству, самочинно переписать русскую церковную историю» (*Патриарх Алексий*. Войдите в радость Господа своего. Размышления о вере, человеке и современном мире. М., 2004. С. 69).

торых кризисов — под влиянием слова Церкви, на волне духовного подъема.

Это было давно, и в XXI веке слово религиозных проповедников ничего уже не значит? Но у американских геополитиков занозой в памяти торчит иранская революция. В 1978 году успешно развивавшийся проект по вестернизации Ирана был сорван. Свой, воспитанный на Западе шах (Реза Пехлеви) сверху прилагал усилия к тому, чтобы «традиционное» (то есть не-западное) общество переняло западные стандарты жизни и мировоззрения. Но народ Персии последовал слову религиозного проповедника — аятоллы Хомейни. И про-западное правительство было сброшено, Иран стал «исламской республикой» и проблемной зоной для американского стратегического планирования. А затем и мусульманский мир в целом стал зоной разноликого бунта. Понятно, что строителям нового мирового порядка не хотелось бы видеть проявлений подобного непослушания в восточно-христианском мире. Но чтобы управлять наследниками православно-византийской цивилизации, надо ее изучить. И вот под занавес XX века США становятся всемирным центром византологических исследований. Но если вкладываются серьезные средства в изучение истории Православия, то приобретенные знания наверно будут потом использовать...

Так как же должен действовать центр, перед которым поставлена задача заблокировать церковное возрождение в России?

Первый и самый простой рецепт — предпринять попытку религиозной американизации России. Секты американского происхождения и в самом деле чрезвычайно бойко начали свое шествие по России в начале 90-х годов. Но стать сколь-либо заметной общественной силой они так и не смогли.

Второй рецепт — это мутирование самой Православной Церкви. Но как бы западные и прозападные СМИ ни лоббировали экуменически и модернистски ориентированных российских проповедников, они все же оказались маргинализированны в самой Церкви.

Третий рецепт — парализация жизни Церкви через провоцирование в ней самой раскола. То есть перенос украинской ситуации в Россию.

Но как организовать раскол в сообществе людей, которые всей своей историей и каждой проповедью предупреждаются о губительности раскола? Как втянуть в раскол тех, кто помнит слова Златоуста: «Грех раскола не смывается даже мученической кровью»?

Вот тут и настает пора присмотреться к русской церковной истории. Так устроено наше церковное сознание, что оно чутко реагирует на любую «левизну». Все, что хотя бы шепотом заявляет о возможности и необходимости пересмотра древних уставов, сразу отвергается. В итоге веками устоялось у нас своего рода косоглазие: всё косимся влево, опасаясь угрозы оттуда. А вот справа образовалась зона слепоты. Слева муха не пролетит. Зато справа хоть танковая колонна проедет — а слишком многие церковные люди будут думать, что все нормально, что и тут мера и граница не нарушены. «Левые» расколы у нас не приживались. Единственный удавшийся раскол в русской церковной истории — это раскол, который шел под «правыми» лозунгами: «Больше верности старине!».

Таково «заветное начало греков: частичку уступи, все поползет и расползется. Хоть оно и правда — отчасти, но нельзя же оставаться всему как есть неизменно. Подле неизменяемого есть и изменяемое. Вот эту сторонку как бы они угадали как следует»¹. Страх перед новизной настолько велик в русском церковно-народном сознании, что может с испуга столкнуть в новизну радикальнейшую.

Чтобы парализовать церковный страх перед расколами — надо сделать «обезболивающую инъекцию» в церковное сознание: «Да, раскол неканоничен. Но каноны-то написаны для нормального течения церковной жизни. А сейчас времена ненормальные. Времена сейчас антихристовы, а потому цепляться за старые каноны нет никакого смысла. Ведь время антихриста — это время подмен». Анти-христ — это «вместо-Христос». Раз настало это время — ищи подмен. Все должно быть ложным. И прежде всего — ложной должна быть Церковь.

Так уже было в русской истории — в XVII веке. Сработала цепочка ассоциаций: реформаторский собор 1666 г. — «три шестерки» — время антихриста, а значит, время подмен (и это при том, что в пору проведения этого собора летоисчисление на Руси велось не от Рождества Христова, а от сотворения мира, и никто из его организаторов в «лето от сотворения мира

¹ *Феофан Затворник, свт.* . Собрание писем. Из неопубликованного. М., 2001. С. 318. Когда византийский император Феофил развелся и женился второй раз — прп. Феофор порвал общение с константинопольским патриархом, благословившим этот брак, с кличем «гибнет Предтеча, нарушается Евангелие... предвозвещение антихриста» (*Феодор Студит, прп.* Послания. Кн. 1. М., 2003. С. 154 и 116). «В Церкви есть вечное и есть временное. И если догматы Православия неизменны, то выражение Божественных истин в формах культуры, в том числе культуры литургической, развивается вместе с веком» (*Патриарх Алексий.* Войдите в радость Господа своего. Размышления о вере, человеке и современном мире. М., 2004. С. 98).

7175» и представить не мог, что есть какие-то три шестерки в дате этого со-
брания).

Если на дворе — антихрист, то Церковь просто должна быть неправильной. А значит, с ней нужно порывать и бежать от нее на поиски «правильной веры». Именно религиозный долг велит поправить древние каноны и нарушить церковное единство...¹ Так что баловство увлекательными играми под названием «найди признаки последних времен» может обернуться очень печально — причем задолго до «последних времен».

Вот и в последние десять лет газета за газетой, листовка за листовкой бьют в одну и ту же точку: «последние времена» — «неправильные епископы». А бесплатная рассылка газет, листовок и брошюр соответствующего содержания заставляет задуматься об источнике финансирования этих дорогостоящих проектов. Просто ли это не-церковные деньги, или же в конце концов прямо анти-церковные?

Сами активисты «русской реформации» в большинстве своем, полагаю, не осознают, что же именно они делают и какой реальной программе служат. Но и боевики «Аль Каиды» тоже вряд ли осознавали, что служат реализации геополитических планов, разработанных далеко за пределами мусульманского мира. Сколь странные люди и проекты стоят за спиной «правых реформаторов», можно показать на четырех примерах.

Первый — свидетельство архиепископа Белгородского Иоанна: «Когда мы задались вопросом: кто же финансирует выпуски тех газет, что «борются» против ИНН, то оказалось, что это люди, которые входили в так называемый Ротари-клуб — известную масонскую организацию. Они напрямую финансировали эти протестные выражения людей, которые в некоторых епархиях даже поставили верующих на грань раскола...»².

Второй пример — из Суздаля.

¹ Эта логическая связь хорошо видна из слов иеромонаха Серафима (Роуза): «Мы уже сейчас живем в век "онечестившихся" епископов, о которых предсказывал преподобный Серафим, и уже сейчас повсюду встречается скрытое в той или иной мере или явное неповиновение епископам, и это становится духовной необходимостью» (цит. по: Дамаскин (Христенсен), иером. Указ. соч. С. 484). В итоге само монашество отца Серафима началось с бунта против архиерея и отстаивания своих «прав», а его ученики ушли в долгое странствие по «юрисдикциям»... Но в данном случае нам важна не история самого отца Серафима, а та логика, которая выражена им предельно ясно: если сейчас время подмен, то духовно не только возможно, но и необходимо оказывать непослушание.

² Иоанн (Попов), архиеп. Белгородский и Старооскольский. Миссионерство и прозелитизм // Вістник прес-служби УПЦ. Вип. 22 (липень, 2003). С. 25.

В Суздале есть малопочтенная секта, именующая себя «Российской Православной (Автономной) Церковью». Ее ядро составляет странная смесь откровенных циников и умников. А за ее спиной маячит тень главного ельцинского пиарщика «политтехнолога» Глеба Павловского. 29 июля 2003 года «синод» этой секты выпустил послание на горячую тему — «о номерах». Вывод этого послания: «Будем помнить, возлюбленные, что запечатал себя печатью Антихриста тот, кто живет нераскаянно в рабстве греху, кто оскверняет свою совесть принятием ИНН»¹. Циники вряд ли всерьез озабочены борьбой с грехами своей «паствы». Умники не могут не знать, что налоговые номера не могут быть «печатью антихриста». А вот с точки зрения политтехнологии ход очень грамотный: подогреть нестроения в православном мире по поводу «номеров», спровоцировать церковный раскол и далее реализовывать излюбленную стратегию «управляемого хаоса».

Третье свидетельство о раскольнических перспективах нынешних церковных диссидентов уже из Москвы.

В ноябре 2004 года состоялся «поместный собор» некоей «Истинно-православной церкви», которую возглавляет «митрополит» Рафаил (Прокофьев). В прошлом полковник Советской армии, получивший тяжелое ранение в бытность свою военным советником на Ближнем Востоке, он читал доклад громким командирским голосом. Одна из обсуждавшихся тем — немедленное избрание своего «патриарха», альтернативного Московской Патриархии, «Одна не представившаяся соборянка лет 35 агитировала за немедленное избрание Патриарха, восклицая, что иметь Патриарха, — "это здоровско, супер"»².

Входит в эту группу и «Апостольская православная церковь» во главе с «митрополитом» Стефаном (Линицким). Линицкий — модернистский художник, достаточно модный в 80-е годы. Его картины обычно изображали столпы света, спускавшиеся наподобие лучей прожектора от неба к земле, и святых, передвигавшихся в этих лучах на фоне православных храмов. В общем — вполне визионерски-окультурная живопись, перенасыщенная эзотерической символикой.

Так вот, — «Во время перерыва корреспондент "МН" разговорился с отставным полковником медицинской службы Александром Головко, который пришел на Собор в военной форме и активно ратовал за восстановление

¹<http://portal-credo.ru/site/index.php?act=news&type=archive&day=30&month=7&year=2003&id=12217>.

²Солдатов А. Кто кого альтернативнее? // Московские новости. 19.11.04.

патриаршества. Полковник обратился к вере недавно, после ухода на пенсию из Военно-медицинской академии, и посвятил себя проповеди чудес, источаемых иконой Божией Матери "Воскрешающая Русь". Головки ездит с этой иконой по России и странам ближнего зарубежья, тщательно фиксируя чудеса. По его словам, самыми впечатляющими являются чудеса "астрономического свойства", например, необычное поведение солнца, которое "вращается, пульсирует, прыгает крестом, разделяется, излучает сияния". Некоторое время назад икона находилась в Троицком соборе Дивеевского монастыря, и к ней началось массовое паломничество. По неизвестным причинам, — возможно, опасаясь, что новая святыня "затмит" старую, мощи прп. Серафима, — монастырское начальство спрятало икону. Теперь полковник Головки путешествует с ее списками, один из которых висит в [катакомбном] храме св. Рафаила. Собор, выслушав рассказ полковника, совершил особое прославление иконы "Воскрешающая Русь"»¹.

Эта «икона», выполненная в бело-голубых тонах израильского флага, по мнению не только художника-«митрополита» Линицкого, но и «Русского вестника» и «Руси православной», должна обеспечить спасение России. Свою «святыню» полковник Головки со товарищи навязывает весьма жестко. Так, епископу Ставропольскому Феофану они, предъявив свою икону, сказали: «Владыко, поцелуй эту икону, иначе мы всем скажем, что ты жид!».

Я не «жид», но как человек, немало изучавший оккультизм в разных его проявлениях, могу сказать, что сие произведение подлежит исследованию в рамках именно сектоведения (или психопатологии). Палитра красок этой «иконы» характерна именно для оккультной живописи: резкие переходы тонов, холодный колорит. На обложках журнала «Наука и религия» такого рода шедевры можно найти в большом количестве. Но именно в таком оккультно-живописном стиле исполнена и картина «Воскрешающая Русь», которую новые опричники пытаются навязать для общецерковного почитания.

Чуть раньше истоки нагнетаемого внутрицерковного конфликта стали ясны в связи с болезнью Патриарха Алексия осенью 2002 года. Тогда пошли слухи о том, что сердечный приступ с Патриархом произошел вследствие данного ему видения (якобы ему предстал прп. Феодосий Киево-Печерский): «В том, что увидел Алексей перед тем, как с ним случился удар, он признался нескольким лицам, окружавшим его, вскоре после видения, за несколько часов перед тем, как состояние его здоровья стало резко ухуд-

¹Там же.

шаться. При этом более всего патриарха поразило сам сверхъестественный факт, ибо, как утверждает источник, Алексей, несмотря на свой высокий церковный сан, воспринимает религию скорее как традицию и ритуал, нежели на самом деле хоть во что-то верит. Однако в видении, неожиданно посетившем патриарха, явился некий благообразный старец в монашеском одеянии, назвавший себя игуменом Феодосием Печерским (как известно, этот настоятель Киево-Печерского монастыря, живший в XI веке и стоявший у истоков православия на Руси, еще при жизни почитался верующими как чудотворец, а после смерти был признан святым). Святой Феодосий стоял прямо перед патриархом, в его светлых пронзительных глазах не было гнева, но был заметен жестокий укор. Алексей передал дословно то, что он услышал от старца-игумена. "Отпали от Бога — ты и многие братья твои, и к диаволу припали, — произнес святой. — И правители Руси не правители уж суть, а кривители. И церковь потворствует им. И не стоять вам по правую руку от Христа. И ждет вас мука огненная, скрежет зубовой, страдания бесконечные, аще не опомнитесь, окаянные. Милость Господа нашего безгранична, но слишком долгод для вас путь к спасению через искупление бесчисленных грехов ваших, а час ответа близок". После этих слов видение исчезло, оставив совершенно оцепеневшим Ридигера, который никогда ничего подобного не испытывал, более того, всегда со скептицизмом относился к сообщениям о всякого рода чудесах»¹.

Обычно слухи такого рода рождаются в монастырях. Потом расползаются по приходам, попадают в листовки, затем в околицерковные газетки. Но в данном случае источником слуха стал интернет. Значит, это уже не фольклорное творчество, а сознательный «спецпроект». Люди, пустившие эту утку, достаточно умны и обеспечены, чтобы владеть интернет-технологиями, и достаточно хорошо знают мир Православия, чтобы придать своей утке именно то оперение, с которым ее могут приветить простые церковные люди.

Иоанн Златоуст говорил так: посмотрите на апостола Фому, он не поверил доброй сплетне о Христе, когда услышал о воскресении Христа. Почему же вы, — говорит Златоуст своим прихожанам, — так легко верите злым сплетням о ваших священниках и епископах?

Чтобы понять яд, которым напоены подобные слухи, надо знать необычность устройства православной Церкви. В истории известны два типа организации религиозных общин.

¹<http://ari.ru/doc/?id=1410>.

Один из них можно назвать харизматическим. Эта модель предполагает, что статус религиозного лидера определяется личными дарованиями человека, его особыми духовными или магическими способностями (как вариант — в исламе и иудаизме — его личным образовательным цензом). Плюсы такой модели очевидны. Ее недостатком является неустойчивость. Тут и проблема определения доброкачественности духовного опыта лидера, и проблема передачи этого духовного опыта его преемнику.

Вторая модель организации религиозной общины — институциональная. Тут именно место красит человека. Предельно ясно этот принцип выразил Эразм Роттердамский, защищая папский принцип против Лютера: «Бог излил Дух на тех, кому Он даровал должность»¹. Плюс этой модели также очевиден: устойчивость и стабильность жизни в этой общине. Минус также нетрудно заметить: риск при передаче внешних полномочий потерять искорку духа.

В Православии же оба этих принципа совмещаются. Институционально-иерархическое понимание духовенства освобождает прихожанина от необходимости исповедовать и экзаменовывать священника, к которому он обратился за совершением таинства или требы. Христианин может не расспрашивать священника о его личной духовной жизни, а просто верить, что он послужит таинству Литургии независимо от своих личных достоинств или недостатков. Ведь в этом случае священник делится не своим, личным и наработанным, а Божиим.

Но когда речь идет о духовном совете — тут можно искать «харизматика», то есть священника с личным духовным опытом. «Старца». Вот это сочетание священства и монашества, епископата и старчества дает Православию жизненность и устойчивость. И именно на разрыв этого двуединства и направлено острие нынешней «реформации». Главный ее тезис — противопоставление «старчества» епископату (а также приходскому духовенству и богословским школам),

В этой перспективе получившую широкое распространение книжку «Духовные беседы и наставления старца Антония» нельзя охарактеризовать иначе, как весьма удачный спецпроект по расколу Церкви. Рецепт его прост: конструируется рассказ о некоем благодатном старце. Имя и место его подвига шифруются (мол, не время открывать). Чудеса и подвиги приводятся в необходимом количестве, к ним добавляются нормальные святоотеческие

¹ Эразм Роттердамский. Диатриба, или Рассуждение о свободе воли // Эразм Роттердамский. Философские произведения. М., 1986. С. 227.

духовные советы. Когда же читатель почувствует родное, святоотеческое в этой книжке и начнет ей доверять, ему будут предложены «новинки». Проверить ничего нельзя: ни издательство, ни автор, ни даже год издания не указываются, Остается лишь верить в существование духоносного и образованного старца-исповедника, который учит, что...

Что бензин — это «адское топливо»¹, Что библиотеки вредны — ибо «каждый человек, прочитавший до тебя книжку, оставляет в ней свой отпечаток — либо благодати, либо адского провала» (с. 269). Что «многоэтажки — сатанинское изобретение» (с. 207). Что «создатели электроники бесов сажают туда толпы» (с. 185) (вот, оказывается, что творится на российских оборонных предприятиях!). Что «государство уже является главным врагом спасения» (с. 173)².

«Старец Антоний» представляется как человек с классическим дореволюционным богословским образованием. Он, мол учился в семинарии «за стенами Лавры» еще в царские времена (с. 16). Вот только изготовители этого апокрифа тут промахнулись: семинария в стенах Лавры поселилась лишь в конце 40-х годов XX века, до революции в Лавре располагалась только Академия³.

В странной семинарии учился «старец». По его словам, «Церковь учит, что антихрист войдет сразу в каждый дом... Сколько споров вызывало утверждение, что антихрист одновременно войдет в каждый дом. И мы в семинарии спорили, еще как спорили! Только с изобретением телевизора все стало понятным» (с. 62, 223). И где же это он нашел такое «учение

¹ «Из земли-матушки достают адское топливо... Какой смысл в машинах, самолетах, во всем, что требует адского топлива?» (с. 206).

² «Государство уже является главным врагом спасения. Это чудище многоглавое, без имени, без звания, живущее только за счет высасывания последних соков из людей, преклоняющихся перед ним. Головы этого монстра суть разные власти: президент и министры, советы, парламенты всякие, бандиты всех мастей, суды, особые части армии, в общем все те, кто, пожирая плоды труда человеческого, питает тело чудовища».

³ Врет «старец» и про семинарии советской поры: «Образование — не сегодняшнее, когда больше проходят историю коммунистической партии, чем историю Апостольской церкви» (с. 32). Курса «История КПСС» в семинариях не было. Был курс «Истории СССР», который включал в себя гражданскую историю России в досоветские времена. Обычно этот предмет вели православные интеллигенты без сана — люди, которых именно в силу их образования советские власти не разрешали рукополагать, но которые хотели все же служить в Церкви (в 70-е годы в Московской Семинарии этот курс вел, например, нынешний протоиерей Александр Салтыков).

Церкви?» В Писании нет ничего подобного. И у отцов Церкви такого «пророчества» не было¹.

И хотя апокриф уверяет, что и с богословским образованием, и с греческим языком у «старца» все было великолепно, тем не менее он демонстрирует абсолютное незнание с богословским значением термина «соборный»: «Если бы в отношениях властных начальник-подчиненный было только всевластие одного и глубокое смирение другого, то не было бы необходимости и в Соборности Церкви. Но если бы не Соборность, не осталась бы Церковь и Православной — сколько раз хранителями истины оказывались одиночки, в то время как высшее священноначалие — еретики?!» (с. 83).

С образованием у «старца» плоховато. Оттого и говорит он, что «литвины, чухонцы, поляки — все испытали на себе падение, все прошли страшный путь вероотступничества, но не народ Святой Руси» (с. 257). Да уж вроде страшнее богоборчества и массового отпадения от веры и поругания святынь, чем у нас, ни у кого и не было... Но идеологическая догма тут застилает глаза «старцу». Ну, не любит он, например, городов и фабричный люд («Все это вражеская уловка — собрать людей вместе для совместной работы на заводах, оторвать от Божьего мира. А сами заводы тоже использовать по прямому назначению — уничтожение сотворенного Зиждителем!» — с. 206). Но разве в дофабричную эпоху село было христианским? Большую часть своей истории христианство было религией горожан. И такой оно снова становится сейчас...

О католичестве у него самые фантастические представления — «Где место человеку, придумавшему, что если папа вынес приговор, не совпадающий с судом Божиим, то последний должен быть изменен в пользу мнения римского епископа. Кажется, так звучит?» (с. 152). Нет, не так. Совсем не так².

¹ Наиболее полная подборка святоотеческих текстов по теме антихриста дана в книге проф. А. Д. Беляева «О безбожии и антихристе. Подготовка, признаки и время пришествия антихриста» (Сергиев Посад, 1898).

² «Верно следуя преданию, принятому от начала христианской веры, мы учим и определяем, что нижеследующий догмат принадлежит к истинам Божественного откровения. Папа Римский, когда он говорит с кафедры ("ex cathedra"), т. е. когда, исполняя свои обязанности учителя и пастыря всех христиан, определяет, в силу своей верховной апостольской власти, что некое учение по вопросам веры и нравственности должно быть принято Церковью, пользуется божественной помощью, обещанной ему в лице святого Петра, той безошибочностью, которой Божественный Искупитель благоволил наделять Свою Церковь, когда она определяет учение по вопросам веры и нравственности. Следовательно, эти определения Папы Римского непреложны сами по себе, а

Даже об истории ереси жидовствующих у него весьма странное представление: «Все (!) типографии Литвы готовили еретические книги и под видом вещей послов возами завозили в Новгород, Москву» (с. 139). Автор книжки про «старца Антония» поставил восклицательный знак после слова «все». А я бы поставил большой знак вопроса с несколькими восклицательными знаками после слов «типографии Литвы». Дело в том, что в XV веке — веке, когда в Новгороде и появилась ересь жидовствующих (объявилась она в 1471 году), никаких типографий в Литве не было. «В начале 20-х годов XVI века Франциск Скорина приезжает в Вильно и в доме богатого белорусского мещанина Якуба Бабича основывает первую в нашей стране типографию, где издает "Малую подорожную книжицу" и "Апостол"»¹.

В церковнославянском и греческом языках «старец» силен ровно настолько, чтобы перевернуть смысл богослужебного выражения с ног на голову: «ад всесмехливый начатое дело высмеивания всего Божьего, духовного доведет до конца» (с. 62). Но в аду нет места для смеха. Там место плача. Христианин же может посмеяться над обманувшимся адом. «Ад всесмехливый» значит «ад, достойный всяческого посмеяния». В «Полном церковнославянском словаре» протоиерея Григория Дьяченко говорится: «Всесмехливый — достойный всякого осмеяния или поругания»². Еще апостол Павел говорил: «Ад, где твое жало. Смерть, где твоя победа». Это некая издевка. Надо заметить, что и в некоторых апокрифах, размышляющих о сошествии Христа во ад, звучит эта тема иронической издевки над сатаной.

Познания «старца Антония» в Писании видны из его призыва: «Евангелие следует понимать буквально — сказано бежать в пустыню, вот и беги, не обдумывая святые словеса» (с. 207). Но нет таких слов в Евангелии. «Старец» спутал модную ныне проповедь «Анастасии» и Евангелие³. Христос говорит не о бегстве из города в пустыню, а о переходе из одного города в другой город же: «Когда же будут гнать вас в одном городе, бегите в другой» (Мф. 10, 23).

не из согласия Церкви. Если кто-либо имел бы, что не угодно Богу, самомнение осудить это, он должен быть предан анафеме». Подробнее об этом ватиканском догмате см. в моей книге «Вызов экуменизма».

¹ См.: Франциск Скарнына: Зборнік дакументаў і матэрыялаў. Минск, 1988.

² Полный перевод на русский язык этого песнопения из службы Великой Пятницы см.: *игумен Иларион (Алфеев)*. Христос — Победитель ада. Тема сошествия во ад в восточно-христианской традиции. СПб., 2001. С. 261.

³ Впрочем, полагаю, что это не путаница, а напротив, учет нынешней моды для пушней эффективности того проекта, которому служит книжка про "старца Антония".

О пребывании Церкви в пустыне говорит не Евангелие, а Апокалипсис (вот уж книга, при чтении которой буквализм как раз опасен): «И даны были жене два крыла большого орла, чтобы она летела в пустыню в свое место от лица змия и там питалась в продолжение времени, времен и полвремени» (Откр. 12, 14).

В пустыню, в которую «старец Антоний» призывает уходить сейчас (!), он рекомендует взять «буржуйку, лопаты, топоры, одежду, обувь — все, что поможет продержаться три с половиной года. И лекарства и спички и соль» (с. 217— 218). Однако Апокалипсис и тут говорит нечто иное: «А жена убежала в пустыню, где приготовлено было для нее место от Бога, чтобы питали ее там тысячу двести шестьдесят дней» (Откр. 12, 12). Если понимать это место буквально, к чему и призывает «старец Антоний», то в пустыне надо ждать ангелов с манной небесной, и тогда в «спичках, соли» и тайных огородах не будет нужды.

Вообще эта проповедь бегства на огороды удивляет. Зачем христианину так заботиться о продолжении своей физической жизни на лишние и страшные три с половиной года? Зачем эта забота о лекарствах, если христианин и так уж точно знает, последние дни истории космоса можно будет просто вычеркивать карандашиком из календаря, ведя отсчет от вполне ясной и последней даты (1260 дней со дня коронации антихриста)? Зачем такая забота о максимально удобном и не-мученическом проведении последних дней?

У американского писателя-фантаста Роберта Шекли есть рассказ «Битва» (подозреваю, в оригинале этот рассказ называется «Armageddon»). Итак, близится день последней битвы, Армагеддона. К главнокомандующему генералу в бункер входит священник и от имени духовенства просит разрешения принять участие в Битве Господней. А вот дальше, пожалуй, стоит привести большую цитату:

«Верховный главнокомандующий Феттерер нервно забарабанил пальцами по бедру. Он предпочел бы остаться в хороших отношениях с этой братией. Что ни говори, а даже ему, верховному главнокомандующему, не повредит, если в нужный момент за него замолвят доброе слово...

— Поймите мое положение, — тоскливо сказал Феттерер. — Я — генерал, мне предстоит руководить битвой...

— Но это же Последняя Битва, — сказал священнослужитель. — В ней подобает участвовать людям.

— Но они в ней и участвуют, — ответил Феттерер. — Через своих представителей, военных.

Священнослужитель поглядел на него с сомнением. Феттерер продолжал: — Вы же не хотите, чтобы эта битва была проиграна, не так ли? Чтобы победил Сатана?

— Разумеется, нет, — пробормотал священник.

— В таком случае мы не имеем права рисковать, — заявил Феттерер. Все правительства согласились с этим, не правда ли? Да, конечно, было бы очень приятно ввести в Армагеддон массированные силы человечества. Весьма символично. Но могли бы мы в этом случае быть уверенными в победе?

Священник попытался что-то возразить, но Феттерер торопливо продолжал: — Нам же неизвестна сила сатанинских полчищ. Мы обязаны бросить в бой все лучшее, что у нас есть. А это означает — автоматические армии, роботы-перехватчики, роботы-танки, водородные бомбы.

Священнослужитель выглядел очень расстроенным. — Но в этом есть что-то недостойное, — сказал он. — Неужели вы не могли бы включить в свои планы людей? — Многие, — сурово произнес священник, — считают, что было ошибкой поручить Последнюю Битву военным.

— Извините, — бодро возразил Феттерер, — это пораженческая болтовня. С вашего разрешения...

Он указал на дверь, и священнослужитель печально вышел.

— Ох, уж эти штатские, — вздохнул Феттерер. — Итак, господа, ваши войска готовы?

— Мы готовы сражаться за Него, — пылко произнес генерал Мак-Фи. — Я могу поручиться за каждого автоматического солдата под моим началом. Их металл сверкает, их реле обновлены, аккумуляторы полностью заряжены. Сэр, они буквально рвутся в бой.

— Превосходно, — подвел итог генерал Феттерер. — Остальные приготовления закончены. Телевизионная передача для населения всего земного шара обеспечена. Никто, ни богатый, ни бедный, не будет лишен зрелища Последней Битвы.

— А после битвы... — начал генерал Онгин и умолк, поглядев на Феттера.

Тот нахмурился. Ему не было известно, что должно произойти после битвы. Этим, по-видимому, займется религиозные учреждения.

— Вероятно, будет устроен торжественный парад или еще что-нибудь в этом роде, — ответил он неопределенно.

— Вы имеете в виду, что мы будем представлены... Ему? — спросил генерал Делл.

— Точно не знаю, — ответил Феттерер, — но вероятно. Ведь все-таки... Вы понимаете, что я хочу сказать.

— Но как мы должны будем одеться? — растерянно спросил генерал Мак-Фи. — Какая в таких случаях предписана форма одежды?

— Что носят ангелы? — осведомился Феттерер у Онгина.

— Не знаю, — сказал Онгин.

— Белые одеяния? — предположил генерал Делл.

— Нет, — твердо ответил Феттерер. — Наденем парадную форму, но без орденов.

Генералы кивнули. Это отвечало случаю.

И вот пришел срок.

В великолепном боевом облачении силы Ада двигались по пустыне. Верещали адские флейты, ухали пустотелые барабаны, посылая вперед призрачное воинство. Вздывая слепящие клубы песка, танки-автоматы генерала Мак-Фи ринулись на сатанинского врага. И тут же бомбардировщики-автоматы Делла с визгом пронеслись в вышине, обрушивая бомбы на легионы погибших душ. Феттерер мужественно бросал в бой свою механическую кавалерию. В этот хаос двинулась роботопехота Онгина, и металл сделал все, что способен сделать металл.

Орды адских сил врезались в строй, раздирая в клочья танки и роботов. Автоматические механизмы умирали, мужественно защищая клочок песка. Бомбардировщики Делла падали с небес под ударами падших ангелов, которых вел Мархозий, чьи драконьи крылья закручивали воздух в тайфуны.

Потрепанная шеренга роботов выдерживала натиск гигантских злых духов, которые крушили их, поражая ужасом сердца телезрителей во всем мире, не отводивших зачарованного взгляда от экранов. Роботы дрались как мужчины, как герои, пытаясь оттеснить силы зла.

Астарот выкрикнул приказ, и Бегемот тяжело двинулся в атаку. Велиал во главе клина дьяволов обрушился на заколебавшийся левый фланг генерала Феттерера. Металл визжал, электроны были в агонии, не выдерживая этого натиска.

В тысяче миль позади фронта генерал Феттерер вытер дрожащей рукой вспотевший лоб, но все так же спокойно и хладнокровно отдавал распоряжения, какие кнопки нажать и какие рукоятки повернуть. И великолепные армии не обманули его ожиданий. Смертельно поврежденные роботы поднимались на ноги и продолжали сражаться. Разбитые, сокрушенные, разнесенные в клочья завывающими дьяволами, роботы все-таки удержали свою позицию. Тут в контратаку был брошен Пятый корпус ветеранов, и вражеский фронт был прорван.

В тысяче миль позади линии огня генералы руководили преследованием.

— Битва выиграна, — прошептал верховный главнокомандующий Феттерер, отрываясь от телевизионного экрана. — Поздравляю, господа.

Генералы устало улыбнулись. Они посмотрели друг на друга и испустили радостный вопль. Армагеддон был выигран, и силы Сатаны побеждены.

Но на их телевизионных экранах что-то происходило.

— Как! Это же... это... — начал генерал Мак-Фи и умолк.

Ибо по полю брани между горами исковерканного, раздробленного металла шествовала Благодать. Генералы молчали. Благодать коснулась изуродованного робота. И роботы зашевелились по всей дымящейся пустыне. Скрученные, обгорелые, оплавленные куски металла обновлялись. И роботы встали на ноги.

— Мак-Фи, — прошептал верховный главнокомандующий Феттерер. — Нажмите на что-нибудь — пусть они, что ли, на колени опустятся.

Генерал нажал, но дистанционное управление не работало.

А роботы уже воспарили к небесам. Их окружали ангелы Господни, и роботы-танки, роботопехота, автоматические бомбардировщики возносились все выше и выше.

— Он берет их заживо в рай! — истерически воскликнул Онгин. — Он берет в рай роботов!

— Произошла ошибка, — сказал Феттерер. — Быстрее! Пошлите офицера связи... Нет, мы поедem сами.

Мгновенно был подан самолет, и они понеслись к полю битвы. Но было уже поздно: Армагеддон кончился, роботы исчезли, и Господь со Своим воинством удалился восвояси».

Этот фантастический рассказ — хорошее противоядие против огороднических фантазмов «старца Антония».

Бегство, проповедуемое этим апокрифом, предполагает разлучение не только с городскими квартирами, но и с привычно-каноничным укладом церковной жизни¹. Это бегство от епископов.

Любимая мысль «старца Антония» состоит в постоянном напоминании о превосходстве «старцев» над предателями-епископами. «Кто обличал впавшее в арианство, монофизитство и прочие ереси священноначалие? Пустынные монахи-отшельники, старцы по-нашему. Поэтому все было сделано, чтобы вытравить старчество из церковной жизни» (с. 134). Ну, а главный борец с ересью Ария кто был? Разве не святой епископ Афанасий Великий? А против Нестория кто восстал? Разве не святитель Кирилл Александрийский? А ересь монофизитов (как раз рожденную монахом Евтихием и ревностно поддерживаемую египетским монашеством) разве не обличал св. римский папа Лев Великий?

Как это и характерно для нынешней реформационной литературы, книжка про «старца Антония» противопоставляет «простой народ» и предателей-архиереев. «Высшее священноначалие, власть предержавшие уже в ересь впади. Но неиспорченный народ поддержал праведников» (с. 139). Вообще-то о народном протесте против движения жидовствующих ничего не известно. Протест начался как раз сверху: с новгородского архиепископа Геннадия — второго человека в иерархии тогдашней Русской Церкви.

И вот подобные ядовитые глупости переходят в этой книжке со страницы на страницу. Тут и комсомольские смакования «дорогих машин и неоскудевающих столов высшего духовенства» (с. 274). И разрезы скальпелем в стиле — «Временное правительство приветствовали все, вплоть до высшего архиерейства. Все, кроме старцев, признанных и нет» (с. 141). И личные мемуары, заставляющие вспомнить одного из сыновей Ноя: «Я ему говорю: простите, владыка, а Страшного суда не боитесь? А он мне: то ли будет, то ли нет, а пожить и тут хочется!» (с. 100). И указания на сегодняшние реалии: «Проверку силы ада уже провели, присвоив всем номера. С молчаливого согласия, а то и прямого благословения духовенства вся страна превратилась в лагерь... У каждого храма есть настоятель, над настоятелем — архиерей. Кто только за его спиной стоит?» (с. 132 и 227).

И все это — ради основного тезиса: «служить вне узаконенной государством церкви» можно (с. 197). Если ты считаешь, что тебя отстранили от

¹ «Ревностные пастыри уже сейчас приобретают домики на окраинах и готовят их к службе во времена грядущих гонений» (с. 219).

служения за твою сверхобычную духовность, — то имеешь полное право служить без благословения архиерея.

На упоминание о канонах, устанавливающих епископальную структуру Церкви, следует ответ: «Единственный и неизменный принцип — соблюдение себя» (с. 289). «Отец Антоний, как соотнести ваше старчество с иерархией и четким порядком в Церкви? — А кто благословлял великого Антония? А тысячи подвижников фивейских и нитрийских?.. Почему великий во святых Паисий остался в Валахии, не захотел он этой твоей иерархии?! А почему? Мню, что отнюдь не из-за архиереев, но потому, что Православие — это свобода духа и любое ограничение его уже протестантство» (с. 286-287). «Ты хотел понять, чем наполнен этот дряхлый сосуд, как он вообще может без благословения правящего существовать, так ведь?.. С чьего благословения служили литургии на телах полуживых мучеников в римских тюрьмах? А причастие пустынников ангелами? Да что там говорить, примеров кажущегося нарушения принятых обычаев в житиях, и в самой Евангелии — множество!» (с. 288 и 190).

И вообще — ныне «окончание времен, вступают в силу другие законы» (с. 270). А то, что Апокалипсис назначен на завтра, для «старца Антония» вне сомнений: «Зачем выплавляется столько стали? Скажи, сколько килограмм железа вы используете у себя дома? Пускай сто килограмм. Умножь на число жителей, добавь нужды армии, общественных дорог. А куда все остальное девается? Идет же оно на подготовку прихода антихриста, вот куда! Значит, не нужно оно, все это производство» (с. 257-258).

Правда, и тут есть противоречие внутри самой книжки. С одной стороны, она настаивает, что все самое страшное уже началось и чемоданы надо готовить уже сейчас. С другой — она претендует на предсказательность и обещает, что «Англии не будет, остров уйдет в море, отягощенный океаном грехов... То же ждет и Японию. Китай захлестнет большую часть России. Желтыми будут все земли за горами и после них. Африканцы заполнят наши города и веси» (с. 170-171). «Скоро греховодники станут потчевать своих гостей блюдами из детских тел, людоедство будет восприниматься вполне нормальным действием, признаком хорошего тона. Ты доживешь» (с. 160). Ну, казалось бы, раз тебе так хорошо известно будущее, то можно установить и последовательность своих действий: вот сначала исчезнут Англия и Япония, потом придут китайцы, потом реклама будет зазывать в дорогие рестораны на дегустацию человечины, ну а потом и явится антихрист. Значит, в промежутке между предпоследним и последним актами и наступает время для бегства (если уж считать его полезным)...

Так проявляется главная линия апокрифа: тайные молитвенные дома и литургии без ведома местного правящего архиерея преподносятся в этой книге как подвиг, а не как нарушение канонических правил (при этом «старец Антоний» лицемерно на каждой странице врет, что он горой стоит за соблюдение этих правил). Впрочем, и правил-то он не знает, а потому и выдумывает, будто «Апостольские правила» запрещают священнику в мирской одежде заходить в алтарь (с. 285). А ведь во времена написания «Апостольских правил» еще не было никакой особой одежды для духовенства, богослужбные же облачения находились в алтаре, и чтобы в них облачиться, в алтарь и нужно было сначала зайти в обычной одежде¹.

Если есть антиминс с мощами — этого достаточно для Литургии без благословения правящего епископа (о том, почему именно русские антиминсы позволяют литургисать без архиерея, эта книжка рассказывает на с. 191).

Антиминс — «вместо-престолие». Это, по сути, верительная грамота от епископа, которой он благословляет совершать Литургию в его отсутствие. Поэтому так важна на антиминсе подпись архиерея. А вот вшивание мощей в антиминс как раз необязательно: не мощи святого дают возможность совершения Литургии, а единство литургисающего священника с Церковью; единство, которое и выражается в его канонической связи с епископом.

Поэтому и разворачивает священник антиминс на престоле в тот момент ектеньи, когда возносит моление о епископе². При возгласе же в конце ектений о оглашенных — «Да и тии с нами славят...» — священник целует антиминс. Но не то место, где в него вшиты мощи (русская традиция, которой нет у греков), а то место, где стоит подпись епископа. Тем самым священник берет благословение у своего архипастыря на совершение этой литургии в удалении от кафедрального собора.

Но по мнению лиц, стоящих за изданием книги «Старец Антоний», подпись архиерея начинает считаться важнее самого архиерея. И в самом деле — в Иркутской епархии в 2001 году три священника засобирались в

¹Таких противоречий в книжке немало. Клятвы на верность канонам — и откровенное подучивание их нарушать, Присяга на верность церковной традиции — и вдруг чисто гностическое отождествление брака и греха: «о. Антоний» неверующего подростка-хулигана «благословляет» отправить в монастырь и так объясняет свое решение матери: «— Батюшка, так ему жениться надо, да и молод, сможет ли выбор свой правильно сделать? — То-то и оно, чада, когда избираем между грехом и праведностью, всегда грех на первом месте» (с. 282).

²См.: Булгаков С. В. Настольная книга для священно-церковно-служителей. М., 1913. С. 899-900 и Настольная книга священнослужителя. М., т. 1. 1977. С. 250 и 253.

леса — подальше от «печати антихриста», коей они сочли ИИИ. Узнав об их призывах, к ним приехал архиепископ Иркутский и Ангарский Вадим, чтобы уговорить беглецов продолжить их обычное пастырское служение. Диссиденты, однако, отказались сослужить со своим епископом и даже не подошли к владыке под благословение. По их мнению, архиерей, принявший налоговый номер, становится безблагодатным вероотступником. И тем не менее, уходя в тайгу, эти священники не забыли взять антимины, подписанные архиепископом Вадимом (по милости Божией двое из них уже вразумились и, принеся надлежащее покаяние, вернулись к нормальному церковному служению).

Появление практики раскольничьего обращения со святыми антимиными и «богословского» оправдания такой практики требует церковного осуждения вопроса об антиминысах.

Представляется целесообразным при смене правящего архиерея заменять все антимины в епархии — ибо приходские священники составляют собор вокруг своего живого и правящего архиерея, а не вокруг прошлого епископа. Храм, однажды освященный епископом, переосвящать новому архиерею уже не надо. Но зачем, вознося имя одного архиерея, целовать подпись совсем другого?

Святые мощи, вшитые в антимины, следует конечно, перелagать в новые. Прежние же подлежат хранению в кафедральном соборе, как это и предписывает церковная традиция относительно забрызганных, стершихся или порванных антиминов.

Возможен и иной вариант: не заменяя сам антиминыс, дополнять его подписью нового правящего архиерея. При этом антиминыс заново освящать не нужно. Но можно определить, что за дни Цветной Триоды (это время наиболее уместно, потому что Пятидесятница есть день рождения христианской Церкви и есть день сообщения апостолам тех благодатных даров, которые и переданы ими епископам), следующими за назначением нового архиерея, в этой епархии все антиминысы должны быть заменены или дополнены росписью нового правящего архиерея.

...В послании Президента В. В. Путина после захвата школы в Беслане сказано, что против нашей страны ведется необъявленная война. Было бы странно, если бы враги России разрушали ее государственную жизнь, убивали ее детей, но при этом оставили бы в покое духовный стержень русской жизни — Православную Церковь. И в самом деле, мы видим, что послед-

ние 10 лет одна за другой следуют попытки внести раскол в жизнь Русской Православной Церкви.

И линию желаемого раскола недруги Церкви и России провели чрез противопоставление епископата и монашества, монашества и духовных школ, монашества и приходского духовенства.

Газеты, анонимные листовки и брошюры (а порой и не анонимные, а порой и имеющие ложные благословения и ложные подписи) год за годом твердят одно: иерархия утратила духовность и православность; епископы не то тайные католики, не то масоны-экуменисты; священноначалие, если на него не надавить митингами, не может понять, кто по-настоящему свят, равно как и не может увидеть настоящей же духовной опасности (в налоговых номерах или в паспортах).

Тотальное недоверие к епископам, помноженное на слух о наступлении антихристовых времен, дают «богословское» оправдание проповеди решительного самочиния и непослушания, а также практике беззастенчивого попирания церковных канонов. В конце концов в сознании людей, охваченных этой пропагандой, делается допустимым нарушение самого главного, что есть в церковных канонах: церковного единства.

Очень многое сложилось вместе: и массовое полузнайство, и наследие позднесоветского диссидентства, и властолюбие некоторых «православных публицистов», и расчетливая игра наших недругов, мечтающих в России провести очередную «оранжевую революцию». Вместе это поставило нашу церковную жизнь на порог серьезной мутации.

Как ее остановить? — Для начала хотя бы перестать воспевать «простецкую веру».

Почему не созывают поместный собор?

В дни работы Архиерейского собора в Москве телевизионщикам было трудно получить картинку из зала, где эта работа проходила, Собор шел за закрытыми дверями. Зато напротив этих самых закрытых дверей явно старалась привлечь к себе внимание небольшая группа пикетчиков. 60 человек, считающих себя ревнителями Православия, громко протестовали против налоговых номеров и электронных паспортов, а также требовали созыва Поместного собора Русской Церкви.

В Уставе Русской Православной Церкви значится, что ее высшим органом управления является Поместный собор. Но в 2000 году из Устава было убрано упоминание о какой бы то ни было привязке созыва Поместных соборов к временным рамкам. Согласно новому Уставу Архиерейский собор должен собираться не реже, чем раз в 4 года, а вот для Поместного собора никакая периодичность не указана. Это означает, что созыва Поместного собора теперь следует ожидать лишь для избрания нового Патриарха.

В Церкви нашлись люди, которые сочли, что такая перемена ограничила их права, И вот при виде архиереев они не склоняют головы — «Благослови, владыко!», а скандируют : «По-ме-стный со-бор!!!! По-ме-стный со-бор!!!!».

Теперь пора пояснить термины.

Архиерейский собор — это собрание всех епископов Русской Православной Церкви. На собор 2004 года из 19 стран мира (от Японии до Великобритании) прибыли 146 епископов, считающих именно Московского Патриарха своим «Великим Господином и Отцом».

Поместный собор — это собрание, которое составляют не только епископы, но и делегаты, избранные от духовенства, монашества (в том числе и женского), духовных учебных заведений и мирян. Понятно, что те миряне, которые рассчитывали озвучить свою позицию с высшей церковной трибуны, теперь, при бессрочном откладывании Поместного собора, ощутили себя ущемленными.

Реакция вполне естественная. И все же в ней есть серьезное противоречие. Дело в том, что сами «протестанты» считают себя людьми, исповедующими Православие столь традиционное и каноническое, что даже Патриарх и Синод находятся у них под подозрением. Увы, защищают они

традицию, которую они сами толком не знают и которая об этой защите их не просила,

Например, каноническое право Православной Церкви вообще не знает такого понятия, как «Поместный собор». На Вселенских Соборах древности право голоса имели только епископы¹. Если архимандритов и священников, бывших на соборах, и приглашали поставить подпись под решениями Собора, то не потому, что эти решения нуждались в утверждении этими архимандритами, а в порядке церковно-государственной дисциплины. Это была подписка о лояльности, взимаемая с клириков государственной Церкви,

Приглашение мирян к соборным дискуссиям и голосованиям появилось на общей революционной волне начала XX века. Столь почитаемый «протестантами» император Николай II до конца своего правления противился созыву Поместного собора. И лишь февральская революция сделала возможным его появление.

Итак, Поместный собор есть знаковое событие именно революционной эпохи: впервые работал он в 1917–1918 годах. Если же мы сегодня расстанемся с революцией (и с контрреволюцией как ее двойником), то естественен и отход от структуры, которая, с одной стороны, незнакома прежним векам церковной истории, а с другой — сама слишком сроднена с революцией, современницей которой она является.

В годы советской власти отказаться от Поместных соборов было нельзя потому, что сама соввласть была порождением той же революционной стихии, и потому, что на мирян она имела больше рычагов воздействия, чем на архиереев. Под предлогом расширения «народной демократии» у священников и епископов отбирались возможности для руководства приходской и церковной жизнью (полномочия передавались приходским старостам, которые нередко назначались прямо самими компетентными в мире органами).

Да, в досоветской истории России были соборы, в которых наряду с епископами участвовали миряне. Но это были не церковные соборы, а государственные прото-парламенты. Земские соборы. Это были соборы не

¹ В Деяниях Седьмого Вселенского Собора очень ясно различаются члены собора и «присутствовавшие лица»: «Собрался святой вселенский собор... Собрались: (следует перечень епископов и священников, делегированных отсутствующими епископами)... На соборе присутствовали также славнейшие и знатнейшие сановники... а равно и почтеннейшие архимандриты, игумены и иноки» (Деяния Вселенских Соборов. Т. 4. СПб., 1996. С. 338-339, 342), Хроника собора также ясно говорит: «Лица, управлявшие империей, велели собирать епископов» (с. 337). Никаких намеков на «избрание народных делегатов» деяния Вселенских Соборов не несут.

церковные, а церковно-государственные, общенациональные. Духовенство на земских соборах было представлено как сословие. Сегодня же в нашем обществе нет сословий, и потому нет оснований для созыва Земского собора.

На церковно-государственных соборах Древней Руси присутствовали вместе светские и церковные владыки. Но только владыки. Князья, бояре, дворяне. А вот делегатов от крестьян или пономарей там не найти.

Может быть, если в современную Думу будет решено включить епископов — тогда Дума станет подобна Земским соборам допетровской Руси. Но от этого она не станет органом, управляющим внутренней жизнью самой Церкви. Такого рода слияние могло быть оправданно в условиях, когда объемы понятий «общество» и «Церковь», «народ» и «христиане» были тождественны. Сегодня это очевидно не так. А значит, при созыве Поместного собора неизбежно встанет вопрос: «Какой именно народ должен участвовать в его работе?»

Понятно, что народ православный. Но как определить меру православности? Нельзя провести выборы делегатов на собор, пока не определено, кто именно имеет право участвовать в этих выборах. Можно увещать город объявлениями: «Завтра в таком-то зале объявляется собрание для выбора делегатов на Поместный собор». Но как определить, пришли ли действительно прихожане, или просто завсегдатаи любых предвыборных встреч? Как добиться, чтобы пришли именно прихожане этого прихода или города, а не свезенные автобусами активисты из других городов? А ведь могут организованно явиться и просто сектанты. Представляете — «свидетели Иеговы» или рериховцы избирают своего делегата на Поместный собор Русской Церкви?!

Значит, прежде созыва такого рода локальных собраний нужно ввести фиксированное членство людей на каждом приходе. Во многих странах Запада это есть: человек вписывается в определенный приход, платит годовой взнос на его нужды и обретает право голоса во всех вопросах его жизни.

Но это есть как раз то, чего так обоснованно опасались верующие советской эпохи. Это то, против чего протестуют и пикетчики у Зала церковных соборов. Ведь их протест против номеров и паспортов мотивирован желанием избежать слежки. Так что вновь их позицию приходится признать противоречивой: любезный их сердцу Поместный собор может стать голосом народа только при условии, что люди сами сдадут государству списки православных активистов.

Еще одно условие для фиксированного членства в приходе, значит, и для участия в выборах делегатов на Поместный собор, — это сознательная вера прихожан. А чтобы наши прихожане действительно узнали свою веру — нужно приложить немалое и личное, и общецерковное усилие в области миссии и богословского образования. И тут еще одна брешь в логике пикетчиков. Участие в выборах невозможно без обретения осознанной веры, а такое осознание невозможно без богословия. Но и пикетчики, и их вдохновители люто ненавидят церковных богословов и миссионеров, считая, что доверять можно лишь «старцам» (чем более юродив, радикален и косноязычен будет «старец», тем более он будет считаться «благодатным»). Вывих этот не нов: на языке церковной традиции он определяется как «ересь гносеомахии». В VIII веке св. Иоанн Дамаскин среди известных ему ересей под 88-м номером помещает «борцов со знанием»: «Они отвергают необходимость для христианства всякого знания. Они говорят, что напрасное дело делают те, которые ищут каких-либо знаний в Божественных Писаниях, ибо Бог не требует от христианина ничего другого, кроме добрых дел. Итак, лучше жить скорее попроще и не любопытствовать ни о каком догмате, относящемся к знанию».

Для сознательного участия в церковной жизни необходимо сознательное же принятие крещения взрослыми людьми. Так что самым прямым шагом на пути к Поместному собору стал бы отказ от крещения взрослых, не прошедших богословские собеседования (крещение детей — это другая тема). Но боюсь, что такое предложение самими же пикетчиками и их «старцами» будет сочтено «баптизмом» и воспринято в штыки.

А пока этого нет — созыв Поместного собора не станет чем-то более демократичным, чем созыв собора Архиерейского. Просто его делегаты будут назначаться каждым епископом в своей епархии. В советские годы состав делегации на Поместный собор был вполне предсказуем: епископ, настоятель кафедрального собора (от духовенства) и бухгалтер епархии (от мирян)¹.

¹ «На избрание Патриарха зимой 1945 года должны были ехать из каждой епархии — правящий архиерей, клирик и мирянин как представители епархии. Из Вольнской области ехал еп. Николай. С ним ехал протоиерей Иоанн Давидович, настоятель Покровского храма Луцка, а с ним должен был поехать профессор Богуславский как представитель мирян. Но в последний момент он заболел, и тогда владыка Николай благословил меня, своего старшего иподиакона, как представителя мирян, сопровождать меня в Москву» (митр. Феодосий. Письмо Н. Шеметову. Цит. по: Шеметов Н. Митрополит Феодосий и его книга // Митр. Феодосий (Процюк). Обособленческие движения в Православной Церкви на Украине. М., 2004. С. 630-631). Так 18-летний юноша стал делегатом Поместного собора.

И еще ревнители скорейшего созыва Поместного собора явно не читали «Законов Паркинсона» (что, конечно, не является грехом, но все равно печально). А эти законы вполне реалистично гласят, что чем более многочисленно собрание, тем легче им управлять. Заседание Синода (14 человек) легче превратить в работу дискуссионной группы, чем заседание Архиерейского собора (150 человек). А последовательная многосторонняя дискуссия в зале с шестьюстами участниками уже просто невозможна. То есть отдельные диссидентские выступления возможны, но решать все равно будет небольшая редакционная комиссия, с которой большинство собрания почти гарантированно согласится. Когда-то это понял умирающий Ленин и предложил «реорганизовать Рабкрин» и ЦК за счет привлечения туда рабоче-солдатских депутатов. Это был верный способ затушить внутрицерковские дискуссии.

Пикетчики хотят дискуссии в Церкви — но на Архиерейском соборе сама атмосфера более располагает к дискуссии. Ведь епископы здесь в своей среде. Они равны друг другу. На Поместном соборе такого равенства уже не будет. Кроме того, епископ легче прислушается к неожиданному мнению своего собрата, чем к голосу протестующего мирянина.

Итак, разумных оснований к форсированному созыву Поместного собора нет. А форсирование есть. Значит, за этим стоит или чья-то неразумная страсть (и в этом случае прав Синод, который не позволяет чьим-то неумным эмоциям ворваться в церковную жизнь), или... Или же разум за этими акциями есть, но разум этот целенаправленно стремится к провоцированию раскола. Уже 10 лет «ревнительские» издания учат мирян покусывать и критиковать епископов. Монахов эти «ультраправославные» издания ссорят с богословами и приходским духовенством. И вообще новые «опричники» стараются всех разругать со всеми. И все, конечно, — во имя «торжества соборности».

Так кто же рвется на Поместный собор? Обычный церковный человек вряд ли будет стремиться к контролю над своими священниками и епископами. Эта цель вожделенна для человека «с идеей». Как правило, это люди, которые испуганы сами (окружающий мир им кажется крайне враждебным) и которые стараются испугать других (раз кругом враги — то и относиться к ним надо соответствующе).

Епископы знают, что на Поместный собор стремятся прорваться эти «православные ваххабиты». Поэтому и предпочитают встречаться в своем кругу.

А круг этот особый. Не о каждом из наших архиереев можно сказать, что это пламенный молитвенник или прекрасный богослов. Некоторые скорее способны произвести впечатление опытных политиков и удачливых карьеристов... Но, как ни странно — эти качества тоже важны в общей гамме собора. Нужны люди, которые привыкли на все смотреть с точки зрения просчитывания последствий: «А что из этого выйдет? А как это слово может аукнуться вот в этом углу... а еще вот в том и вот в этом?..».

Епископ по самому положению своему живет в нескольких мирах одновременно. Это не монах, который живет среди людей, сделавших одинаковый с ним жизненный и мировоззренческий выбор. Это не приходской священник, который общается лишь с теми, кто сам находит дорогу к его приходу и обращается к нему как к «отцу». Епископ должен «контактировать» и с банкирами, и с партийными активистами, с госадминистрацией и лидерами других крупных религиозных групп, со светской интеллигенцией и монахами... Поэтому епископ держит в голове большее число параметров, по которым он просчитывает последствия тех или иных своих слов и действий.

Кроме того — епископ, в отличие от духовника — публичен. Его слово звучит не один на один, не на индивидуальной исповеди и не в закрытом пространстве храма, а открыто. И значит, тем более осмотрительным он приучается быть. Заявление, которое с восторгом могло бы быть принято в его епархиальном монастыре, может закрыть перед ним двери многих властных кабинетов, а в итоге затормозить восстановление какого-нибудь храма и тем самым оставить без церковной молитвы тысячи людей... Оттого епископ, в отличие от монастырского послушника, не может жить в виртуальном мире «ультраправославных» листовок и брошюр. Он слишком многими порами своей души соприкасается с реальным и, увы, нецерковным миром (конечно, стараясь при этом в глубине сохранить все же иные жизненные стремления и иную систему ценностей).

В мире, в котором меняется все, — в том числе и место в нем Церкви, нужно, чтобы от имени Церкви звучали трезвые голоса. Голос Архиерейского собора точно будет именно таким. А на Поместный собор пробуют прорваться люди, которым добродетель трезвости и рассудительности еще чужда. И пока еще жизнь Церкви не настолько восстановилась, чтобы быть уверенными в том, что обычные тихие приходы смогут устоять перед организованным напором заезжих радикалов.